

Этот журнал выходит четыре раза въ мѣсяцъ. Подписная цѣна, серебромъ, за годъ 14 руб. 30 коп., за полгода — 8 руб. На почтовую пересылку за годъ 1 рубль 50 копѣекъ, за полгода 75 копѣекъ. За доставку въ С. Петербургъ на домъ, въ теченіе года или полугодя, 70 копѣекъ.

Подписка принимается въ книжныхъ магазинахъ К. А. Полеваго: 1) въ С. Петербургѣ, на Невскомъ-Проектѣ, въ домъ Рогова, противъ Думы; 2) въ Москвѣ, на Тверской, въ домъ Матлевой. Иногородные адресуются въ Газетную Экспедицію Санктпетербургскаго Почтамта.

199
198
33
64

№ 5. АПРѢЛЬ 1844.

A. 139
36
~~438~~

СЫНЪ

ОТЕЧЕСТВА.

СОДЕРЖАНІЕ.

Современная Исторія и Политика. Внутреннія и заграничныя извѣстія. — *Иностранная Слоесность.* Альбина, повесть Александра Дюма. — *Науки и Художества.* Гаспаръ Лаватеръ, соч. Дессаль-Режп. — *Смѣсь.* Колонія ученыхъ и литераторовъ въ Америкѣ. — *Ледяная пещера въ карпатскихъ горахъ.* — *Новооткрытая порода четвероногихъ.* — *Успѣхи общества трезвости въ Ирландіи.* — *Распространеніе кодекса французскихъ законовъ.* — *Гидравлическая желѣзная дорога.* Статистика бѣдныхъ во Франціи. — *Гигантскій телескопъ.* — *Метеорологическая обсерваторія на Везувіи.* — *Новая періодическая комета.* Землетрясеніе на ван-дименовой землѣ. При этомъ номерѣ приложенъ портретъ Президента Палаты Перовъ, Капцлера Франціи, барона Пакье.

ГОДЪ ТРИЦАТЬ-ВТОРОЙ.

ОТЪ ПАРХОТЪ

1877

Въспомогательный текст, вероятно описательный или биографический, расположенный в центре левой страницы. Текст слишком бледен для точной транскрипции, но кажется состоящим из нескольких абзацев.

Содержание: 1. Биография; 2. Творчество; 3. Итоги жизни.

В. П. П. 1877

A 139
36

738
T

СЫНЪ ОТЕЧЕСТВА.

Выходитъ четыре раза въ мѣсяцъ. Подписная цѣна, серебромъ, за годъ 14 руб. 30 коп., за полгода — 8 руб. На почтовую пересылку за годъ 1 рубль 50 копѣекъ, за полгода 75 копѣекъ. За доставку въ С. Петербургъ на домъ, въ теченіе года или полугода, 70 копѣекъ.

Журналъ

Подписка принимается въ книжныхъ магазинахъ К. А. Полеваго: 1) въ С. Петербургъ на Невскомъ-Проспектѣ, въ домъ Рогова, противъ Думы; 2) въ Москвѣ, на Тверской, въ домъ Мятлевой. Иногородные адресуются въ Газетную Экспедицію С. П. бурскаго Почтамта.

ПОЛИТИКИ, ИСТОРИИ, СЛОВЕСНОСТИ, НАУКЪ И ХУДОЖЕСТВЪ.

ГОДЪ ТРИЦАТЬ-ВТОРОЙ.

№ 5. АПРѢЛЬ 1844.

Современная Исторія

и Политика.

ВНУТРЕННІЯ ИЗВѢСТІЯ.

ВЫСОЧАЙШАЯ ГРАМОТА.

Нашему Тайному Совѣтнику, Члену Комитета, Высочайше учрежденнаго въ 1-й день Августа 1814 года, *Пезаровіусу*.

Обращая Монаршее вниманіе Наше на долговременную, отлично-усердную и ревностную службу вашу и постоянное содѣйствіе къ уложенію Инвалиднаго капитала, Всемилостивѣйше жуемъ васъ Кавалеромъ Ордена Св. равноапостольнаго Князя Владиміра второй степени, — знаки кою при семъ препровождаю, пребываемъ Императорскою Нашею милостию къ вамъ благосклонны.

На подлинной Собственноручно Императорскаго Величества рукою подписано:

НИКОЛАЙ.

С. Петербургъ, 26 Марта 1844 года

Въ Одессѣ получено официальное извѣстіе, что два купеческіе корабли. Турецкое «Мартыго», шкиперъ *Мехметъ Исмаиль*, и Россійское «Великій князь Михаилъ», шкиперъ *Георги Гуди*, слѣдовавшіе изъ Константинополя въ Браиловъ, съ баластомъ, при входѣ ихъ, 26 и 27 прошлаго Февраля въ Сулинское устье рѣки Дуная, при сильномъ ЮЗ. вѣтрѣ, потерпѣли крушеніе и погибли. Корпусъ перваго корабля выброшенъ на отмель праваго берега устья; другой корабль, снеженный поворотившимся вѣтромъ съ лѣваго берега устья, затопило на самой глубинѣ фарватера. Бывшіе на этихъ судахъ люди и все судовое вооруженіе спасены.

ЗАГРАНИЧНЫЯ ИЗВѢСТІЯ.

Въ засѣданіи Палаты Депутатовъ 4-го Апрѣля, происходившемъ подъ предсѣдательствомъ вице-президента г. Дебеллейма, было разсматриваемо предложеніе объ отмѣнѣ газетнаго штемпеля. Этотъ проектъ изложенъ былъ *Шапош-Монлавилемъ*, который объявилъ, что не имѣетъ никакой политической цѣли, потому что мѣра его должна распространиться на

органы всѣхъ партій. Онъ основалъ его на мнѣніи *Г. Гизо*, которое было высказано имъ въ Ноябрь 1830 года и на мнѣніи *Г. Барта*, объявленномъ въ то же время. Предложеніе свое онъ почиталъ своевременнымъ. Всѣмъ извѣстно стремленіе къ гласности во Франціи. Между тѣмъ, есть мнѣнія, которые съ 1830 года не нашли для себя органа въ журналахъ, напр. противники обладанія Алжиромъ ни въ одномъ журналѣ не могли обнародовать своихъ мыслей. И такъ журналы составляютъ монополию, не доставляя всѣмъ мнѣніямъ дѣйствительной гласности. Основаніе дешевыхъ газетъ по 40 фр. служитъ разительнымъ протестомъ противъ монополіи; онѣ доставили большую услугу, но не произвели всего добра, котораго надо было ожидать. Онѣ расширили кругъ читателей, даже между средними классами, но онѣ не проникли въ низшіе слои общества, въ хижины, гдѣ существуетъ столько предрасудковъ. Чтобы нынѣ основать журналъ, надо имѣть отъ 4 до 5 сотъ тысячъ франковъ, почти приготовиться къ разоренію или къ продажѣ журнала. Изъ находя въ законодательствѣ необходимой опоры, журналисты ищутъ поддержки въ финансовомъ мѣрѣ, у промышленности. Есть банкиры, которымъ периодически предоставляется въ газетѣ столбецъ въ ихъ распоряженіе, и они наполняютъ его чѣмъ имъ угодно. Такое положеніе невыносимо. Не полной свободы домогаются журналисты, но общаго права, положенія, въ которомъ бы могъ существовать человекъ, пожертвовавшій своимъ имуществомъ на изданіе журнала. Редакція *Journal des Débats*, платящая 6 сантимовъ, выдаетъ ежегодно за штемпель и почтаму по 38 фр. 50 сантимовъ за каждый экземпляръ: журналы, платящіе 5 сантимовъ, расходуютъ на этотъ предметъ болѣе 32 фр. 85 сантимовъ, за каждый экземпляръ. И такъ, если сборъ по подпискѣ за *Journal des Débats* составитъ въ годъ 1.200.000 фр., то надобно изъ нихъ заплатить и почтаму 550.000 фр.; за *National* изъ 400.000 фр. дохода платится болѣе 200.000 фр. за *Siècle* изъ 1.500.000 болѣе 1.100.000 фр. Это невыносимо. Оттого журналы должны прибѣгать къ романамъ и фельетонамъ, этимъ вытѣснять статьи болѣе важныя, и особенно извѣстія о преніяхъ Палаты. Ораторъ старался доказать, что государство, отъ уничтоженія штемпеля ничего не потеряетъ: если число газетъ увеличится, то потеря пошлины за штемпель вознаградится почтовымъ сборомъ. На доводы и аргументы, которыми

Г. Шапю-Монлавиля старался поддержать предложеніе свое, касательно отмены газетнаго штемпеля, — возражалъ Министръ Финансовъ, *Г. Лаказ-Деллави*. Онъ, между прочимъ, сказалъ слѣдующее: «Почтенный Депутатъ замѣтилъ, что доходъ съ газетнаго штемпеля возросъ въ прошломъ году до 3.600.000 франковъ, но этотъ доходъ вовсе не постоянный и подверженъ измѣненію; въ 1834 году онъ простирался до 2.400.000 фр. и въ десять лѣтъ увеличился только одною третью. Слѣдовательно налогъ на газетный штемпель не составляетъ рѣшительнаго препятствія къ распространенію и успѣшному изданію газетъ. Если вообще сравнить его съ другими налогами, утвержденными нашимъ финансовымъ кодексомъ, то легко можно удостовѣриться, что онъ не принадлежитъ къ числу наиболѣе тягостныхъ. Не смотря на умѣренность пошлины за газетный штемпель, она, однако же, составляетъ въ сложности такой доходъ, прекращеніе котораго произвело бы чувствительный ущербъ въ бюджетѣ, и я долженъ напомнить при этомъ случаѣ Палатѣ, что всячески слѣдуетъ избѣгать уменьшенія государственныхъ доходовъ, когда расходы не сокращаются. На вознагражденіе, которое намъ обѣщаютъ отъ предполагаемаго увеличенія доходовъ за пересылку газетъ, я не могу надѣяться, потому что газетъ большую часть своихъ подписчиковъ имѣютъ въ городахъ гдѣ издаются и доставляются подписчикамъ собственными агентами редакцій, такъ что почти ничего не выигрывается. Въ Парижѣ, напримѣръ, ежегодно прикладывается штемпель къ 90.900 экземплярамъ газетъ; изъ нихъ почта отправляетъ только 52.000 экземпляровъ, остальные же раздаются въ самомъ Парижѣ. Это обстоятельство *Г. Шапю-Монлавиля* выпустилъ вовсе изъ виду. — Кромѣ интересовъ финансовыхъ есть еще другія уваженія заставляющія меня ротивиться настоящему проекту. Не должно ли, между прочимъ, обратить вниманіе на интересъ провинціальныхъ газетъ? Выгоды централизація извѣстны по цѣнности по достоинству. Но она имѣетъ также и нѣкоторыя невыгоды, изъ которыхъ одна происходитъ преимущественно отъ слишкомъ большого вліяніи, оказываемаго столпцемъ на департаменты. По этой причинѣ желательно, чтобы департаменты имѣли свои независимыя газеты. Въ настоящее время Парижскія газеты платятъ за каждый штемпель вообще по 5 сантимовъ, а департаментскія по 3 или по 4 сантима. Послѣднія пользуются, слѣдовательно, вымою, которая позволяетъ про-

давать ихъ дешевле и дѣлаетъ не столь чувствительнымъ перевѣсъ газетъ Парижскихъ. Совершенная отмена штемпеля лишитъ департаментскія газеты этой выгоды, и подвергнетъ ихъ самому тягостному совмѣстничеству, котораго онѣ никакъ не въ состояніи будутъ выдержать.» — Послѣ Министра Финансовъ говорилъ *Г. Ламартинъ*. Онъ защищалъ предложеніе объ отменѣ газетнаго штемпеля, доказывалъ обременительность послѣднего для издателей и находилъ въ немъ главное препятствіе къ умноженію числа газетъ и распространенію независимыхъ мнѣній. *Г. Ламартинъ* сказалъ между прочимъ: «Газетѣ надобно около четырехъ лѣтъ для приобрѣтенія какихъ нибудь 4.000 подписчиковъ. Прежде четырехъ лѣтъ она не можетъ имѣть настоящаго ходу. Издержки редакціи простираются ежегодно до 120.000 фр. Въ 4 года издержится слѣдовательно газетою около 500.000 фр. Присоедините къ тому по-крайней-мѣрѣ столько же издержекъ на печатаніе, на бумагу, на наемъ квартиры, на управленіе, на пересылку. Подождимъ, что подписка на газету покроетъ эти послѣдніе расходы, но все же 500.000 фр. останутся не вознагражденными. А плата за штемпель сколько поглотитъ въ 4 года? Считаю по 18 ф. на подписчика, придется 72.000 фр. ежегодно, а въ 4 года 228.000 фр. Присоединивъ эту сумму къ предъидущимъ 500.000 фр., составитъ послѣ 4 лѣтъ, даже и при 4.000 подписчиковъ, капиталъ въ 700 или въ 800.000 фр. принесенный въ жертву предпріятію. Говорить ли еще о непоимѣрно огромныхъ залогахъ, денежныхъ штрафахъ и о многихъ другихъ стѣснительныхъ мѣрахъ! Намъ указываютъ на газеты цѣною въ 40 ф.; но знаетъ ли Палата какимъ образомъ онѣ старались удержаться? Четырехъ лѣтними жертвами и издержками капиталовъ въ 800.000 фр. и болѣе!» — Послѣ *Г. Ламартина* говорилъ *Г. Демуссо-де-Живре* и *Эмиль Жирарденъ*, первый въ пользу, а послѣдній противъ проекта. Наконецъ приступлено было къ балотировкѣ. Результатъ оказался слѣдующій: число голосовъ 286, необходимое большинство 144, бѣлыхъ шаровъ 146, черныхъ 140. Такимъ образомъ проектъ объ отменѣ газетнаго штемпеля положено было принять въ разсмотрѣніе большинствомъ шести голосовъ.

Во всѣхъ издаваемыхъ въ Парижѣ газетахъ, не исключая Министерскихъ, защищаютъ съ большимъ жаромъ предложеніе *Г. Шапю-Монлавиля*. Всѣ жур-

налисты надѣются, въ случаѣ утвержденія этого предложенія, значительно умножить число своихъ подписчиковъ, потому что тогда имъ можно будетъ понизить подписную цѣну.

— Въ засѣданіи Нижней Палаты перваго Апрѣля разсматривались, давно ожидаемые билли о регистратурѣ Ирландскихъ избирателей. Вскорѣ по открытіи засѣданія, статсъ-секретарь Ирландіи, *Лордъ Эллиотъ*, попросилъ дозволенія внести эти два билля, одинъ, съ цѣлію умножить число избирателей для парламентскихъ выборовъ, другой, съ цѣлію расширенія круга избирателей для выборовъ муниципальныхъ. Существующій нынѣ способъ регистровки, установленный актомъ о реформѣ 1832 г., почитается главною причиною возбужденнаго *О'Коннеллемъ* народнаго движенія, такъ какъ этотъ законъ до-сихъ-поръ устранялъ отъ избирательнаго права большую часть народонаселенія государства, т. е., бѣднѣйшіе классы и католиковъ, но въ то же время давалъ возможность склонить Ирландцевъ къ интригамъ на выборахъ и къ волненію, допуская двойное толкованіе заключающагося въ немъ постановленій. Неправильности регистратуры Ирландскихъ избирателей, которой недостаетъ контроля и порядка, введенныхъ въ Англійской регистратурѣ, умножились втеченіи времени до такой степени, что дѣйствительный законъ 1832 г. существуетъ только по имени, а произволъ и обманъ породили результатъ противоположный тому, какого желало законодательство. Актъ о реформѣ долженствовалъ быть твердымъ основаніемъ, на которомъ бы управленіе, свободное отъ всякихъ волненій, могло безопасно опираться; но онъ сдѣлался орудіемъ къ ниспроверженію его основаній. Настоящее правительство рѣшилось устранить это зло, введеніемъ правильной системы выборовъ, и *Лордъ Эллиотъ* въ подкрѣпленіе своего предложенія, представилъ въ сегодняшнее засѣданіе краткій и ясный обзоръ положенія дѣлъ. Право подачи голосовъ на парламентскихъ выборахъ въ графствахъ, было въ 1821 году, ограничено актомъ Герцога *Веллингтона*, послѣдовавшимъ за уравненіемъ въ правахъ католиковъ съ протестантами. Число избирателей въ графствахъ съ 216.000 уменьшилось вдругъ до 39.700, и хотя вслѣдствіе акта о реформѣ увеличилось вновь въ 1831 году до 52.000, а въ 1842 г. до 63.000, но это произошло не потому, чтобы законъ оказалъ тутъ свое

благодѣтельное дѣйствіе, а по причинѣ вкравшихся злоупотребленій. Условіе, на которомъ можно пріобрѣсти право выбора, было двояко исполняемо по причинѣ разности въ мнѣніяхъ Ирландскихъ судей изготавлявшихъ списки избирателей. Это условіе, какъ извѣстно, состоитъ въ томъ, что каждый избиратель долженъ имѣть по крайней мѣрѣ 10 ф. ст. дохода. Одни принимали въ основаніе ежегодный чистый доходъ 10 ф. ст. за уплатою откупной суммы и повинностей; другіе, дѣйствуя въ смыслѣ *О Коннелла* и его приверженцевъ, утверждали, что къ чистому доходу надобно присоединить и цѣнность работы фермеровъ и ихъ семействъ въ продолженіи года, и такимъ образомъ опредѣляли ихъ доходъ. Оттого происходило, что многія лица, давшія клятву въ 1832 г. въ томъ, что они имѣютъ 10 ф. ст. ежегоднаго дохода, для полученія права быть избирателями, клялись въ 1835 г., что доходъ ихъ не превышаетъ 5 ф. ст., для извѣщенія себя отъ обязанности платить пошлину въ пользу бѣдныхъ. Въ то время, какъ одни судьи дѣлали подобныя послабленія и способствовали деморализаціи народа, другіе, съ своей стороны, строго придерживаясь закона, стѣснительными ограниченіями права выборовъ поддерживали неудовольствіе и умножали силы агитатора. Для отвращенія всѣхъ этихъ неудобствъ, Лордъ *Элмонтъ*, предлагаетъ ввести въ Ирландіи систему, установленную нынѣ въ Англіи, которую можно почесть удовлетворительною. Право выбора въ графствахъ должно быть опредѣляемо по количеству платимой пошлины въ пользу бѣдныхъ, установленной съ 30 ф. ст. дохода отъ поземельной собственности, и сверхъ того всѣ фермеры, получающіе отъ откупа 5 ф. ст. чистаго дохода, должны получить право выбора. — Г. *М. ОФерраль*, замѣтилъ, что предлагаемая нововведенія, хотя далеко не удовлетворяютъ потребностямъ, доказываютъ, однако, что волненіе послѣднихъ лѣтъ имѣло основаніе. — Г. *Беллю* требовалъ, чтобы каждый, платящій повинности, былъ внесенъ въ списокъ избирателей. — Лордъ *Госвикъ* защищалъ это мнѣніе, находя его полезнымъ какъ для Ирландіи, такъ и для Англіи. Сиръ *Р. Пиль* просилъ Палату удержаться отъ поверхностныхъ сужденій о биллѣ. Его цѣль освободить право выборовъ въ Ирландіи отъ нѣкоторыхъ ограниченій, не имѣющихъ въ Англіи никакого значенія. Г. *Юмъ* объявилъ, что онъ доволенъ всѣмъ, что хотя сколько нибудь подходитъ на уступку; но онъ полагалъ, что число 90,000 избирателей, которыхъ получить нынѣ

Ирландіи, все еще очень недостаточно на 7 миллионъ жителей. Такой ничтожный результатъ не прекратитъ жалобъ Ирландцевъ и не заглушитъ въ нихъ желанія расторгнуть союзъ. Это только мнимое уравненіе Ирландіи съ Англіею, далекое отъ дѣйствительности. Послѣ того Палата рѣшила дозволить внесеніе билла и засѣданіе было закрыто.

Въ краткомъ засѣданіи Нижней Палаты, Лордъ *Дж. Россель* порицалъ намѣреніе правительства уменьшить флотъ въ Средиземномъ морѣ до 1 линейнаго корабля. Сиръ *Р. Пиль*, находя предложеніе это неумѣстнымъ, присовокупилъ, что настоящее правительство не нарушило тамъ, до сихъ поръ, никакихъ Британскихъ интересовъ. Впрочемъ, правительство признало нужнымъ собрать, для морскихъ маневровъ, въ Каналѣ флотъ изъ 8 линейныхъ кораблей, которые въ случаѣ нужды немедленно могутъ быть обращены въ Средиземное море, гдѣ Британскіе интересы должны имѣть большой вѣсъ. Но съ другой стороны правительство не считаетъ нынѣ нужнымъ излагать причины, которыя требуютъ присутствія флотовъ въ другихъ частяхъ свѣта. Лордъ *Пальмерстонъ* сдѣлалъ нѣсколько замѣчаній на счетъ отвѣтственности, которою обязаны Министры въ своихъ планахъ передъ парламентомъ. Послѣ того первымъ Министромъ представленъ былъ Палатѣ дополнителный трактатъ съ Китаемъ, подавшій поводъ къ перевознесенію похвалы Сира *Генри Поттинджерера*.

Иностранная Словесность.

АЛЬБИНА.

ПОВѢСТЬ АЛЕКСАНДРА ДЮМА.

Это было въ одинъ изъ тѣхъ очаровательныхъ вечеровъ, которые мы проводили въ продолженіе зимы 1841 года у княгини Г * *, во Флоренціи. Въ этотъ вечеръ было положено, чтобы каждый рассказалъ свою исторію. Разумѣется, эти исторіи были фантастическія; каждый, въ свою очередь, придумывалъ какой-нибудь рассказъ; оставался одинъ только графъ Элимъ, который не исполнилъ еще общаго долга.

Графъ Элимъ былъ прекрасный молодой человекъ, бѣлокурый, блѣдный, съ меланхолическимъ выраженіемъ въ лицѣ. Каждый разъ, когда заходила рѣчь о привидѣніяхъ и спрашивали его мнѣнія объ этомъ предметѣ, онъ отвѣчалъ рѣшительнымъ тономъ: «я вѣрю этому.» Никто не предлагалъ ему вопроса, почему онъ вѣритъ, но, по его тону, всѣ были убеждены въ искренности его признанія. Когда дошла до него очередь, онъ попросилъ позволенія рассказать одно приключеніе изъ собственной жизни.

«Три года тому назадъ, сказалъ онъ, какъ я путешествовалъ по Германіи; рекомендательныя письма доставили мнѣ случай воспользоваться гостеприимствомъ одного Франкфуртскаго негодянта. Разъ какъ-то мой радушный хозяинъ предложилъ мнѣ отправиться на охоту съ его старшимъ сыномъ. Я, какъ страстный охотникъ, съ радостію принялъ это предложеніе. Наше общество состояло изъ осьми человекъ; то были: сынъ моего хозяина, его профессоръ, пятеро пріятелей и я. Прежде чѣмъ отправились на охоту, мы завтракали на прекрасной фермѣ нашего хозяина. Во время завтрака, я успѣлъ подружиться съ умнымъ профессоромъ. Было уже за полдень, какъ мы оставили ферму; я пошелъ вмѣстѣ съ своимъ новымъ знакомцемъ, но, по какому-то случаю, мы разлучились; я

потерялъ его изъ виду и одинъ бродилъ по лѣсу. Къ своему удовольствію, я скоро завидѣлъ стаю куропатокъ; два выстрѣла доставили мнѣ двѣ побѣды; но этого было мало; я съ ожесточеніемъ преслѣдовалъ свои жертвы, и не замѣчалъ, что на небо набѣгали темныя облака и предвѣщали страшную бурю. Вдругъ раскатъ грома заставилъ меня опомниться. Я стоялъ въ глубинѣ долины; кругомъ поднимались горы, поросшія густымъ лѣсомъ.

Тучи болѣе и болѣе застилали небо, громъ грохоталъ и крупныя капли дождя стучали о пожелтѣвшіе листья, которые, при каждомъ порывѣ вѣтра, вихрились въ воздухѣ, словно стая испуганныхъ птицъ. Не теряя времени, я рѣшился выбраться изъ этой тучищобы и пошелъ по прямой линіи, въ надеждѣ, что найду хоть тропинку, которая приведетъ меня къ какому-нибудь пристанищу. Между-тѣмъ лѣсъ становился гуще и гуще, небо темнѣло болѣе и болѣе. Въ добавокъ я начиналъ чувствовать голодъ. Наконецъ я добрался до одной тропинки. Куда теперь итти? спрашивалъ я самъ-себя. Направо, или налево? Для рѣшенія этого вопроса не было никакого основанія; надо было предаться произволу случая. Я повернулъ направо или, лучше, послѣдовалъ за своею собакою, которая побѣжала впереди меня въ эту сторону.

Если бы я могъ укрыться подъ какимъ-нибудь навѣсомъ, въ какой-нибудь пещерѣ, я не палубовался бы великолѣпнымъ зрѣлищемъ, которое открылось передъ моими глазами. Молнія почти непрерывно сверкала въ тучахъ, обливая лѣсъ самымъ фантастическимъ свѣтомъ; громъ раскатывался отъ одного конца долины до другаго; по временамъ порывистый вѣтеръ мчался по вершинамъ деревъ и сгибалъ вѣковые дубы и гигантскія сосны, какъ майскій вѣтерокъ гнетъ молодые колосья. Деревья хрустѣли, и на неистовство урагана лѣсъ отвѣчалъ продолжительнымъ, жалобнымъ воемъ. Но мнѣ было не до поэтической мечтательности: дождь лилъ ливнемъ; я промокъ до костей и чувствовалъ сильный голодъ.

Между-тѣмъ, я шелъ дальше; тропинка становилась шире; я былъ увѣренъ, что скоро добреду до какого-нибудь жилья. Въ самомъ дѣлѣ, черезъ полчаса, я замѣтилъ, при блескѣ молніи, небольшую хижину, къ которой примыкала тропинка. Я ускорилъ шаги, въ надеждѣ на гостеприимство жителей этой хижины, и черезъ нѣсколько минутъ стоялъ у вождѣльнаго прію-

та. Но, къ своему разочарованію, я не замѣтилъ ни малѣйшей искры пріветнаго огонька. Было еще не такъ поздно, чтобы хозяинъ домика могъ лечь спать. По всему было видно, что этотъ домикъ не былъ необитаемымъ; можно было замѣтить слѣды руки человѣческой: вдоль стѣнъ были разсажены виноградныя деревья; розовые кусты, на которыхъ расквашивались запоздалые цвѣты, украшали аллею небольшого садика. Я постучался; но мой стукъ не произвелъ никакого движенія внутри хижины; я началъ просить защиты отъ бури, но на мой голосъ никто не отвѣчалъ.

Признаюсь, я готовъ былъ силою войти въ это убѣжище, но крѣпкіе запоры разрушили все мои попытки. Между-тѣмъ, меня утѣшила одна мысль: очевидно, этотъ маленькій домикъ былъ построенъ вблизи какой-нибудь деревни, либо замка. Дѣйствительно, слѣлавъ двѣсти или триста шаговъ, я наткнулся на какую-то стѣну и тотчасъ сталъ искать воротъ; но замѣтивъ въ одномъ мѣстѣ проломъ, оставилъ дальнѣйшіе поиски перелѣзъ черезъ стѣну и очутился въ одномъ изъ тѣхъ великолѣпныхъ парковъ, которые до-сихъ-поръ встрѣчаются въ Германіи. Но этотъ паркъ — сколько я могъ разсмотрѣть его, въ тѣ минуты, когда небо нѣсколько прояснилось и изъ-за облаковъ выглядывала луна, — представлялъ видъ горестнаго запустѣнія. Опрокинутыя вѣтромъ, или свалившіяся отъ дряхлости, деревья загромождали собою все аллеи; дорожки заросли дикою травою. Этотъ видъ совершенно разрушилъ мою надежду отыскать хоть одно живое существо въ замкѣ, къ которому вели мрачныя, запустѣлыя аллеи.

Искра свѣта, блеснувшая вдали, подала мнѣ новую надежду. Правда, этотъ свѣтъ, похожій на падучую звезду, тотчасъ угасъ, но я пошелъ по указанному имъ направленію, и черезъ нѣсколько минутъ выбрался вопъ изъ парка. Передо мной поднималась какая-то темная масса, окруженная деревьями; это, былъ старинный германскій замокъ. Десять или двѣнадцать оконъ выходили на его фасадъ, но ни одно изъ нихъ не было освѣщено. Хотя три окна были закрыты ставнями, но одинъ изъ этихъ ставней имѣлъ большую трещину, а между-тѣмъ и здѣсь не сквозило никакого огонька. Очевидно, что и эта комната, такъ же, какъ и другія, не была освѣщена. Я обошелъ весь фасадъ, желая открыть какой-нибудь входъ, что-

бы проникнуть во внутренность замка, и наконецъ, на углу зданія, между двухъ башенокъ, нашелъ дверь, которая, уступивъ первому моему усилію, растворилась настежь. Я переступилъ черезъ порогъ и очутился подъ мрачными сводами. Проходя по темнымъ, длиннымъ корридорамъ, вдругъ я замѣтилъ, сквозь тускляя стекла, тотъ пріветный огонекъ, который начиналъ уже считать за призракъ моего воображенія. Приблизившись къ окну, я могъ разсмотрѣть, что въ комнатѣ, возлѣ лампы, сидѣли какіе-то старикъ и старуха; я рѣшился войти въ комнату и тотчасъ открылъ дверь, которая была возлѣ окна. Старуха вскрикнула отъ испуга. Я поспѣшилъ разсѣять страхъ, который, противъ своего желанія, навелъ на этихъ добрыхъ людей.

«Не бойтесь, мои друзья, сказалъ я: вы видите заблудившагося охотника; я усталъ, меня мучитъ голодъ и жажда; я пришелъ попросить у васъ стаканъ воды, кусокъ хлѣба и уголь для ночлега.

— Извините испугъ моей жены, сказалъ старикъ, вставъ съ своего мѣста: этотъ замокъ въ такой глуши, что развѣ только по необыкновенному случаю можетъ забрести сюда какой-нибудь путешественникъ. Неудивительно, что вдругъ, увидѣвъ вооруженнаго человѣка, моя бѣдная Берта перепугалась, хоть, благодаря Бога, намъ нечего бояться воровъ ни за себя, ни за своего господина.

«Во всякомъ случаѣ, мои друзья, будьте спокойны, сказала я: — я графъ Элимъ. Конечно, вы не знаете меня, но вы должны знать господина Р..., у котораго я живу и съ которымъ охотился нынче въ вашихъ лѣсахъ.

— Нѣтъ, сударь, отвѣчалъ старикъ, между-тѣмъ какъ его жена все осматривала меня съ любопытствомъ: мы не знаемъ никого въ городѣ; кажется, ужъ болѣе двадцати лѣтъ, ни я, ни моя жена не бывали въ городѣ; но вы уже довольно сказали о себѣ, и мы не требуемъ отъ васъ болѣе никакихъ объясненій. Вы чувствуете голодъ, говорите вы, — мы сейчасъ приготовимъ вамъ ужинъ. Что до вашего ночлега, прибавилъ старикъ, переглянувшись съ женою: тутъ есть небольшія затрудненія, а впрочемъ, мы увидимъ.

«Какую-нибудь долю вашего ужина, мои друзья, и кресла въ какомъ-нибудь углу замка, — вотъ все, чего я прошу у васъ.

— Предоставте намъ позаботиться объ этомъ, сударь,

сказала старуха: вы между-тѣмъ обсушитесь и обогрѣйтесь, а мы устроимъ все, какъ слѣдуетъ.

Этотъ совѣтъ обсушиться и обогрѣться былъ не бесполезенъ: я промокъ до костей, мои зубы шелкали отъ холода. Предполагая, что ужинъ этихъ добрыхъ людей былъ не слишкомъ лакомъ, я предоставилъ въ ихъ распоряженіе настрѣленную дичь.

— Клянусь, сударь, сказала старикъ, взявъ нѣсколько курпатовъ и одного кролика: — это чудо какъ кстати; иначе вамъ пришлось бы раздѣлить убогій нашъ ужинъ.

Старикъ переговорилъ что-то шепотомъ, жена принялась щипать курпатовъ, а мужъ вышелъ изъ комнаты. Я подошелъ къ очагу и началъ сунуть на себѣ свое платье. Но минутъ черезъ десять старикъ возвратился.

— Не угодно ли вамъ, сударь, сказала онъ, пожаловать въ столовую; тамъ затопленъ каминъ, и вамъ будетъ получше, чѣмъ здѣсь.

Я исполнилъ его совѣтъ; моя собака, которая то же обогрѣвалась у очага, последовала за мною. Войдя въ столовую я съ удовольствіемъ усялся у гигантскаго камина и принялся осматривать новую комнату. Первый мой взглядъ упалъ на столъ, накрытый чудесною скатертью и уставленный богатою посудой. Эта неожиданная роскошь пробудила мое любопытство. Я подошелъ къ столу и съ удивленіемъ замѣтилъ на каждомъ предметѣ изображеніе графской короны и оружія. Черезъ нѣсколько времени, слуга, въ богатой ливрѣ, подаль на столъ супъ въ серебряной мискѣ. Я взглянулъ на новое лицо, — и узналъ добраго старика.

«Но, мой другъ, къ чему столько церемоній? сказалъ я.

— Мы знаемъ, сударь, какъ слѣдуетъ принять графа, отвѣчалъ старикъ. Да, если бы было иначе, графъ Эверардъ не простилъ бы намъ этого.

Надо было уступить. Я хотѣлъ сѣсть на стулъ, но старикъ подаль большія кресла, украшенныя графскимъ гербомъ. Я занялъ мѣсто и съ большимъ аппетитомъ принялся за ужинъ. Все кушанья были изготовлены съ отменнымъ вкусомъ; на столѣ стояли лучшія бордосскія, бургонскія и рейнскія вина.

Любопытно было мнѣ узнать, кто былъ владѣтель замка и гдѣ онъ живетъ. Я спросилъ объ этомъ старика.

— Мой господинъ, сказалъ онъ, графъ Эверардъ фонъ Эппштейнъ, послѣдній изъ потомковъ своей фа-

миин. Онъ живетъ въ замкѣ, котораго не покидаетъ почти двадцать-пять лѣтъ; по болѣзни одной особы отозвала его въ Вѣну. Вотъ уже шесть дней, какъ онъ уѣхалъ отъ насъ, и мы не знаемъ, скоро ли онъ возвратится.

«Но, продолжалъ я, что это за домикъ, который я замѣтилъ за четверть мили отсюда?

— Это и есть настоящее жилище графа, отвѣчалъ старикъ. Онъ проводитъ тамъ каждый день, и только развѣ почувствуетъ иногда въ замкѣ. Нашъ бѣдный замокъ давно уже запустѣлъ, и теперь въ немъ, кромѣ красной комнаты, нѣтъ ни одного жилаго покоя.

«Что это за красная комната?

— Да та, въ которой жили все графы фонъ-Эппштейны; въ ней они родились, въ ней и умирали, начиная съ графини Элеоноры до графа Максимилиана.

Произнося эти слова, старикъ понизилъ голосъ и съ тревожнымъ видомъ озирался кругомъ. Впрочемъ, я не сдѣлалъ еще никакого вопроса; меня заняла мысль о странномъ поведеніи графа Эверарда, который жилъ отшельникомъ въ своемъ развалившемся замкѣ.

Послѣ ужина меня стало клонить ко сну. Я попросилъ старика указать мнѣ мою спальню. Эта просьба, казалось, смутила его; онъ пробормоталъ какое-то извиненіе, но оправившись отъ замѣшательства, сказалъ:

— Пойдемте, господинъ графъ.

Я последовалъ за старикомъ. Мой Фидо заворчалъ и бросился въ слѣдъ за нами. Старикъ привелъ меня въ прежнюю комнату, въ которой я въ первый разъ замѣтилъ огонь.

«Вы, хотите уступить мнѣ собственную вашу комнату? сказала я.

— Извините, господинъ графъ, отвѣчалъ старикъ, не понявъ смысла моихъ словъ: въ цѣломъ замкѣ нѣтъ еще ни одной жилой комнаты.

«Гдѣ же вы найдете мѣсто для себя?

— Мы почумемъ въ столовой.

«Этого я не позволю, вскричалъ я. Я почую въ столовой, или вы отведете мнѣ какую-нибудь другую комнату.

— Но я имѣлъ честь доложить господину графу, что въ цѣломъ замкѣ нѣтъ болѣе жилой комнаты, кромѣ той...

«Кромѣ той? повторилъ я.

— Кромѣ красной комнаты.

«—Но ты знаешь, что въ этой комнатѣ пельзя почевать господину графу, съ живостию возразила старуха.

Я пристально посмотрѣлъ на обоихъ. Они, съ замѣтнымъ смущеніемъ, потупили глаза. Это затронуло мое любопытство.

«Почему же невозможно? спросилъ я. Развѣ это запрещено владѣтелемъ замка?»

— Нѣтъ, господинъ графъ.

«Такъ какое же вы находите препятствіе? И что такое въ этой таинственной красной комнатѣ, о которой вы говорите съ какимъ-то страхомъ?»

— Есть кое-что, милостивый государь... Старикъ остановился и взглянулъ на свою жену, которая пожалала плечами.

«Есть кое что! повторилъ я. Скажите, что такое?»

«— Тамъ являются привидѣнія, сказала жена. Вотъ что, сударь.

«Привидѣнія! вскричалъ я. Если такъ, то мнѣ ужасно хочется повидаться съ мертвецами. Объявляю вамъ, что я непременно хочу почевать въ этой страшной комнатѣ.

— Прежде подумайте, сударь.

«Думать не объ чемъ. Повторяю вамъ, что мнѣ хочется взглянуть на привидѣнія.

«— Это, не даромъ прошло графу Максимилиану, пробормотала старуха.

«Быть-можетъ, графъ Максимилианъ имѣлъ причины бояться мертвыхъ; а мнѣ нечего опасаться.

— Дѣлать нечего, если такъ угодно графу, сказалъ старикъ, обращаясь къ женѣ, надобно приготовить постель.

«— Хорошо, отвѣчала жена, но съ условіемъ, чтобы ты проводилъ меня. Ни за что въ свѣтъ я не пойду туда одна.

— Пожалуй, сказалъ старикъ.

Старики вышли изъ комнаты. Я, въ задумчивости, прислонился къ очагу. Въ своей молодости, я слышалъ тысячу разказовъ о странныхъ приключеніяхъ въ старинныхъ замкахъ, и всегда принималъ ихъ за фантастическіе вымыслы; а теперь я самъ долженъ былъ сдѣлаться героемъ подобнаго приключенія. Мнѣ казалось, что я начинаю бредить и, чтобы освѣжить свои мысли, я вышелъ на чистый воздухъ. Небо прояснилось; луна серебрила вершины замка. Все было глухо, мертво; тишина ночи лишь изрѣдка нарушалась про-

зительнымъ крикомъ совы, притаившейся подѣ вѣтвями дерева, которое угрюмо стояло въ одномъ углу двора. Увѣрившись, что я былъ въ бодромъ состояніи, я возвратился въ комнату. Старая женщина была уже тутъ, но ея мужъ еще хлопоталъ въ моей спальнѣ. Вдругъ зазвенѣлъ колокольчикъ. Я невольно вздрогнулъ.

«Что это значить? спросилъ я.

— Ничего, отвѣчала старуха. Это зазвонилъ мой мужъ; значить, все готово для васъ. Я провожу васъ до лестницы.

«Идемъ, сказала я, желая поскорѣ увидѣть таинственную комнату.

Старуха пошла впередъ, освѣщая мнѣ путь восковою свѣчою. Я последовалъ за нею, а за мною побѣжалъ и Фидо, который рѣшительно ничего не понималъ въ нашихъ переселеніяхъ. На всякій случай, я захватилъ съ собою ружье. Когда я вошелъ въ красную комнату, старикъ тотчасъ удался. Я слышалъ, что онъ заперъ дверь съ наружной стороны и медленными шагами побрелъ по корридору. Кругомъ меня воцарилось молчаніе; лишь рѣзвый огонекъ трещалъ въ каминѣ. Я взялъ свѣчу и обошелъ свою спальню, которая получила названіе красной комнаты отъ старинныхъ обоевъ, въ которыхъ преобладалъ этотъ цвѣтъ. Фидо слѣдовалъ за мною; но вдругъ, у изголовья моей постели, онъ остановился, подошелъ къ стѣнѣ и, съ замѣтною тревогою, началъ обнюхивать обои. Это обратило мое вниманіе, и я со всею точностію осмотрѣлъ подозрительную часть стѣны, предпологая, что тутъ была какая-нибудь тайная пружина. Но послѣ безполезнаго осмотра, я пошелъ дальше; Фидо последовалъ моему примѣру, но безпрестанно повертывалъ назадъ свою голову, какъ-будто желая обратитъ мое вниманіе на какое-то непонятное открытіе.

Было уже два часа, но не смотря на усталость, я не могъ предаться сну; какое-то тревожное чувство овладѣло мною; я не зналъ, что случится, но ожидалъ чего-то необыкновеннаго. Съ полчаса просидѣлъ я въ креслахъ, но не дождавшись ничего новаго, рѣшился лечь въ постель, оставивъ на каминѣ зажженную свѣчу. Фидо приотился возлѣ меня. Я сомкнулъ глаза, но едва-только забывался въ пріятномъ снѣ, какъ какой-нибудь легкій шумъ выводилъ меня изъ забытья; я открывалъ глаза и съ безпокойствомъ озиралъ всю комнату. Наконецъ, мои мысли начали путаться; фи-

гуры, изображенныя на обояхъ, казалось, задвигались; свѣтъ отъ каминна и отъ свѣчи заструился фантастическими полосами по стѣнамъ; я заснулъ.

Не знаю, сколько времени продолжался мой сонъ, только я пробудился отъ какого-то непонятнаго чувства страха. Открываю глаза: свѣча погасла, огонь въ каминѣ потухъ; кругомъ страшная темнота, только блѣдный лучъ луны чуть пробивался въ трещину одного ставня. Я приподнял голову. Въ эту минуту, завылъ мой Фидо, и его жалобный стонъ бросилъ меня въ дрожь.

— Фидо! проговорилъ я, Фидо, что съ тобой?

Бѣдная собака забила подѣ кровать и снова завыла. Послышался какой-то шумъ, какъ-будто потаенная дверь заскрипѣла на ржавыхъ петляхъ, и у изголовья моей кровати зашевелились обои. Какая-то бѣлая, воздушная, прозрачная фигура скользнула въ комнату и, безъ малѣйшаго шума, какъ-будто не касаясь пола, направила свои шаги къ моей постели. У меня дыбомъ поднялись волосы; холодный потъ выступилъ на моемъ лицѣ. Я подвинулся къ самой стѣнѣ. Тѣнь приблизилась къ моей кровати, взглянула на меня и покачала головою, какъ-будто говорила: это не онъ. Потомъ она испустила вздохъ, отошла прочь, еще разъ взглянула на меня, еще разъ вздохнула, покачала головою и исчезла за обоями; дверь скрипнула, — и все смолкло. Признаюсь, я какъ-будто лишился всѣхъ силъ; только мое сердце билось чрезвычайно сильно. Черезъ минуту, Фидо выползъ изъ своего убежища, сталъ на заднія лапы, а передними оперся на мою постель. Бѣдное животное дрожало всѣмъ тѣломъ. И такъ, это была не мечта разстроенаго воображенія, но привидѣніе, тѣнь, призракъ. Эта комната, безъ сомнѣнія, была театромъ какого-нибудь ужаснаго, таинственнаго приключенія. Что случилось тутъ? Эти мысли мучили меня до самаго разсвѣта; я не могъ уже заснуть снова. При первомъ блескѣ зари, я всталъ съ постели и одѣлся. Вскорѣ послышались въ корридорѣ чловѣческіе шаги и кто-то остановился у дверей.

«Войдите, сказалъ я.

Въ комнату вошелъ старикъ.

— Я все безпокоился, сударь, объ васъ, сказалъ онъ, и пришелъ освѣдомиться о вашемъ здоровьи.

«Какъ видите, сказалъ я; я здоровъ, какъ пельзя лучше.

— Каково изволили почивать?

«Превосходно!

Старикъ, казалось, не вѣрилъ этому.

— И никто не нарушалъ вашего сна? прибавилъ онъ.

«Никто.

— Тѣмъ лучше. Теперь, не угодно ли вамъ приказать что-нибудь?

«Приготовьте мнѣ завтракъ.

— Черезъ четверть часа все будетъ готово, сказалъ старикъ и ушелъ.

Пользуясь этимъ временемъ, я хотѣлъ открыть потаенную дверь; но послѣ безполезныхъ поисковъ, долженъ былъ отказаться отъ своей попытки. Меня позвали завтракать, и я, бросивъ взглядъ на таинственные обои, оставилъ красную комнату. Какъ ни любопытно было мнѣ проникнуть тайну почнаго приключенія, но я не заводилъ объ немъ и рѣчи; я зналъ, что вѣрный слуга замка не откроетъ мнѣ таинственной исторіи. Окончивъ завтракъ, я поблагодарилъ добрыхъ стариковъ за радушиное гостепримство и вмѣстѣ просилъ указать мнѣ дорогу возвратиться въ городъ. Старикъ вызвался проводить меня до большой дороги. Часа черезъ три я былъ во Франкфуртѣ.

Перемѣнивъ свой костюмъ, я посѣщилъ увидѣться съ профессоромъ, съ которымъ подружился на фермѣ моего хозяина. Онъ чрезвычайно безпокоился о моемъ отсутствіи.

«Наконецъ, вы явились! сказалъ онъ, когда я вошелъ къ нему въ комнату: гдѣ вы провели ночь?

— Въ замкѣ Эппштейнъ, отвѣчалъ я.

«Въ замкѣ Эппштейнъ! вскричалъ онъ: гдѣ именно?

— Въ комнатѣ графа Эверарда, который теперь живетъ въ Вѣнѣ.

«Въ красной комнатѣ?

— Да.

«Вы не видѣли ничего? спросилъ профессоръ съ видомъ любопытства и сомнѣнія.

— Сказать вранду, я видѣлъ призракъ, отвѣчалъ я.

«Да, проговорилъ онъ, это тѣнь графини Альбины.

— Кто это графиня Альбина? спросилъ я.

«О, это ужасная, невѣроятная исторія, которой вы не захотѣли бы и вѣрить, если бы не ночевали въ красной комнатѣ.

— Но теперь я повѣрю всему, клянусь вамъ. Вы можете разказать мнѣ эту исторію, и будьте увѣрены, любезный профессоръ, что у васъ никогда не было и не будетъ такого внимательнаго слушателя.

Профессоръ согласился на мою просьбу и разсказалъ мнѣ необыкновенную исторію красной комнаты.»
«Что это за исторія? спросили мы всѣ, въ одинъ голосъ графа Элима.

— Изъ этой исторіи я сдѣлалъ толстую и прескучную книгу, и, если вамъ угодно, я принесу завтра свою рукопись и прочитаю вамъ ее какъ можно скорѣе.

На другой день графъ Элимъ явился съ своею рукописью и прочиталъ исторію, которой съ нетерпѣніемъ ожидали всѣ посѣтители, снова собравшіеся на вечеръ къ графу Г***.

(Продолженіе спредь.)

Науки и Художества.

ГАСПАРЪ ЛАФАТЕРЬ.

СОЧ. ДЕССАЛЬ-РЕЖИ.

Въ 1778 году протестантскій пасторъ читалъ предъ цюрихскимъ физическимъ обществомъ на-скоро сочиненное разсужденіе, въ которомъ былъ изложенъ краткій результатъ долговременныхъ изысканій о предметѣ странномъ и любопытномъ. Это былъ человекъ лѣтъ около тридцати, фізіономіи пріятной и вмѣстѣ твердой, выразительной; глаза его были пронизательны и всѣ черты лица пріятны. Возвышеніе передней и верхней части черепа показывали наклонность къ легковѣрью и мистицизму, между-тѣмъ какъ чрезвычайно выпуклый лобъ обнаруживалъ большое расположеніе къ подражанію. Во время чтенія ученые, образовавшіе передъ нимъ ареопагъ, изумлялись и восклицали, одинъ, почитая бѣднаго человека глупцомъ а другіе, самые снисходительные, притворно улыбаясь. Какая же это была таинственная наука, открывшая себя среди невѣрія и пропіи? То была вещь не совсѣмъ новая: самая глубокая древность присвоила себѣ первое ея сіяніе; многіе, греческіе философы, разные французскіе и иностранцы ученые ею занимались; но то, что эти предшественники видѣли только мелькомъ и неопредѣленно, ихъ

преемникъ хотѣлъ подвести подъ правила постоянныя и привести въ систему. Дѣло шло о *фізіономіи* или наукѣ — узнавать людей по чертамъ лица.

Заранѣ назначенный къ духовному званію, Лафатеръ обучался богословскимъ наукамъ и отличился въ проповѣданіи. Одаренный живымъ, пламеннымъ, склоннымъ къ чудесному воображеніемъ, онъ еще болѣе укрѣпилъ эту склонность чтеніемъ сочиненій поэтическихъ и мистическихъ. Самыя странныя мнѣнія и величайшія уклоненія ума присоединились въ немъ къ самой дѣятельной филантропіи. Прельщенный Жанъ-Жакомъ Руссо, очарованный Клопштокомъ, онъ сочеталъ идеи жене-вскаго философа съ мистическими вдохновеніями творца *Мессиды*, которые, переработавшись и утвердившись въ его мозгу, произвели странное цѣлое. Честный, неустрашимый, врагъ угнетенія и неправды, онъ сдѣлалъ первый важный подвигъ въ жизни, нападеніемъ въ одной религіозной брошурѣ на швейцарскаго судью, который оказался виновнымъ въ жестокостяхъ. * Это вооружило противъ него всю гельветическую олигархію; онъ навлекъ на себя ненависть мѣстныхъ властей, и ему грозили изгнаніемъ.

Издавши въ свѣтъ разныя богословскія сочиненія, онъ оставилъ запятія своего званія и пустился путешествовать; посѣтилъ Германію и прибылъ въ Берлинъ въ то время, когда философію вводили въ моду маркизъ д'Арфанъ, Вольтеръ и всѣ изысканные умы, призванные ко двору (Фридриха II. Тамъ Лафатеръ познакомился съ богословомъ Спальдингомъ, съ Зальцеромъ, авторомъ *теоріи изысканій искусства*, съ Гессомъ и съ живописцемъ Фюсли, этою пѣмецкою карикатурой Микель-Анджело. Эти различныя связи и философское уединеніе, въ которомъ онъ провелъ многіе мѣсяцы у Спальдинга съ другомъ своимъ Гессомъ, особенно имѣли вліяніе на умъ и мнѣнія Лафатера. По возвращеніи въ Цюрихъ, онъ принялъ дѣятельное участіе въ трудахъ аскетическаго общества, которыхъ предметомъ было — ввести въ религію самую благотворную нравственность и дать преимущество дѣламъ передъ догматами. Онъ возвратился въ свою страну вмѣстѣ и поэтомъ, и философомъ, и богословомъ, и уже напитанный понятіями, которыя развивались впоследствии.

* Будучи ребенкомъ, онъ показалъ опыты негодованія, соединеннаго съ робостію и смѣлостію, яркимъ сопротивленіемъ педанту, который хотѣлъ несправедливо наказать одного изъ его товарищей.

Будучи діакономъ, потомъ пасторомъ при церкви св. Петра, членомъ верховной консисторіи въ Цюрихѣ, Лафатеръ, — странное дѣло! — былъ обвиняемъ, или по-крайней-мѣрѣ подозрѣваемъ, будто тайно держалъ римскаго католицизма. Совершенно извѣстныя склонности его сердца и воображенія; скуфья, которую онъ носилъ вопреки обычая лютеранскихъ священниковъ и которая, кажется, прикрывала гуменцо; его связи съ нѣкоторыми иезуитами, и особливо съ отцемъ Зелеромъ изъ Мюнхена, — усиливали до извѣстной степени эти подозрѣнія, которыя Лафатеръ отражалъ съ большимъ жаромъ. Извѣстно, что если умъ и правила Лафатера препятствовали ему отвергать догматы гельветической общины, то онъ не всегда могъ защищаться отъ собственной восторженности и мечтательности. Самыя противоположныя мнѣнія, самыя неправдоподобныя странности, все, что могло возбудить дѣятельность его воображенія, попеременно, а иногда и въ одно время, было предметомъ его вѣрованія.

Этому-то расположенію Лафатерова характера должно приписать его ученіе о чудесахъ, его слишкомъ извѣстную слабость къ чудотѣямъ всякаго рода, каковы: Гаснеръ, Месмеръ и особливо Кальостро, въ которомъ онъ думалъ открыть мага, существо сверхъестественное, съ *дьявольскимъ призваніемъ*, и котораго надо было искать въ Базелѣ. Глупости, которыя этотъ шарлатанъ распространялъ съ неослабимой смѣлостію, происхождение и необычайное существованіе, приписываемое имъ себѣ, его мнимое пребываніе подъ египетскими пирамидами, чудеса и откровенія, которымъ онъ приводилъ примѣры, — всѣ эти нелѣпости казались Лафатеру болѣе дивными, нежели смѣшными. Станный и невѣжливый пріемъ, сдѣланный ему обманщикомъ, его видъ, нѣсколько дикій, вмѣсто того, чтобы оттолкнуть отъ себя и разочаровать Лафатера, только усилили его убѣжденіе въ несомнѣнности сверхъестественныхъ силъ чародѣя и заставили его войти съ нимъ въ самыя жаркія пренія. Лафатеръ жизнью своею пожертвовалъ бы счастію — восторжествовать надъ этимъ врагомъ Бога и людей. Легковѣрный, простодушный, добросердечный до неблагодарности, Лафатеръ, которому, кажется, было суждено всему вѣрять, вполне вдался во всѣ видѣнія магнитизма*

* Вотъ портретъ Лафатера, начерченный имъ самимъ на доскѣ, его представляющей: «Не зная оригинала, я скажу со всею

Лафатеръ подробно разсказалъ намъ, какъ онъ былъ доведенъ до составленія своей фізіономической системы. Съ самыхъ молодыхъ лѣтъ его чрезвычайная живость, его чувствительность, которая всегда имѣла нѣсколько живаго инстинкта и скорого предчувствія, возбуждали въ немъ, при видѣ нѣкоторыхъ лицъ, самое сильное отвращеніе или симпатію, въ которыхъ онъ, не могъ сперва дать себѣ отчета, и которыя увлекли его къ невольнымъ сужденіямъ о духѣ и характерѣ тѣхъ людей. Онъ всегда имѣлъ рѣшительный вкусъ къ рисованью, и особливо къ портретамъ. Рисуя, онъ часто бывалъ пораженъ особеннымъ сходствомъ нѣкоторыхъ чертъ лица. Мало-по-малу эти ощущенія, всегда смѣшанныя, объяснялись, соразмѣрности, сходства и разности становились для него болѣе ошутительны. Желая итти постепенно, онъ началъ съ наблюденія живой природы въ разныхъ ея положеніяхъ, потомъ въ ея представленіяхъ, болѣе или менѣе вѣрныхъ, какъ-то: въ бюстахъ, статуяхъ, портретахъ, простыхъ силуэтахъ, и преимущественно въ изображеніяхъ великихъ мужей и важныхъ преступниковъ. Прохожденіе духовнаго званія познакомило его также съ разными весьма замѣчательными и странными, оригинальными лицами. Онъ, какъ самъ въ томъ сознавался, пользовался даже многими ошибками своихъ граверовъ и рисовальщиковъ, и черезъ эти ошибки научился хорошему выбору своихъ выраженій, изслѣдованію, сравненію многихъ предметовъ, на которые до того обращалъ только поверхностное вниманіе.

Онъ размышлялъ о всеобщей почти склонности

достоверности, что примѣчно много воображенія, живое и быстрое чувство, которое однако же не на-долго сохраняетъ первыя впечатлѣнія; ясный умъ, который ищетъ только наставленій и больше прилепляется къ анализу, нежели къ глубокимъ изысканіямъ; примѣчно больше сужденія, нежели ума, великое спокойствіе съ большою дѣятельностію и соразмѣрною легкостію. Скажу еще: этотъ человекъ не сотворенъ ни для военнаго ремесла, ни для трудовъ кабинета. Всякая малость тяготитъ его; дайте ему дѣйствовать свободно — и онъ уже слишкомъ обремененъ. Его воображеніе и чувствительность песчинку обращаютъ въ гору; но, благодаря его природной упругости, гора часто для него вѣситъ не больше песчинки.»

* Лафатеръ особливо былъ пораженъ этимъ фізіономическимъ сходствомъ при рисованьи чертъ одного умирающаго своего друга, котораго образъ онъ хотѣлъ сохранить, и котораго профиль, особливо тонкая и острая форма носа, казалось, имѣла самое вѣрное сходство съ чертами поименованнаго Ламберта, котораго онъ видѣлъ, назадъ тому шестнадцать лѣтъ, въ Берлинѣ, и о которомъ сохранилъ самое живое воспоминаніе.

судить, критиковать ближняго, какъ въ частномъ, такъ и въ общественномъ быту. Онъ видѣлъ много людей, которые находятъ себѣ пищу лишь въ злости; толкуютъ вдоль и поперекъ о томъ, что дѣлаютъ или не дѣлаютъ ихъ братья, сосѣди, пріятели, о качествахъ, какія въ нихъ есть и какихъ нѣтъ; объ ихъ недостаткахъ, тайныхъ намѣреніяхъ, и прочая. Онъ замѣчалъ, что во многихъ случаяхъ безрасудныя и рѣзкія сужденія объ умѣ и особенно о характерѣ и сердцѣ человека, сужденія иногда крайнія, основываются на сплетняхъ; что вымышленные анекдоты, многія частныя мелочи, выдаваемые за подлинныя, а въ самомъ дѣлѣ невѣрныя, основываются на дѣйствіи отдѣльномъ отъ цѣлаго, отъ его обстоятельствъ и побудительныхъ причинъ. Такіе люди, описанные черными красками, впоследствии являлись ему въ отбѣнкахъ совершенно противоположныхъ. Съ тѣхъ-поръ вздумалъ онъ искать въ человѣческой физиономіи основанія наблюдений и суждений гораздо болѣе твердаго, нежели какое полагается злословіемъ.

Надъ новенькими рѣшеніями Лафатера издѣвались: онъ краснѣлъ, сталъ осторожнѣе, и нѣкоторое время молчалъ. До двадцати-пяти лѣтняго возраста онъ не только не думалъ ни слова писать о физиономіи, но даже и не читалъ ни одного сочиненія объ этомъ предметѣ. Однажды въ Бругѣ, у доктора Циммермана, стоя у окна, чтобы видѣть проходившіе полки, Лафатеръ, не смотря на свою близорукость, отдаленіе, замѣтилъ человека, совершенно ему незнакомаго, котораго физиономія сильно его поразила и заставила произнести рѣшительный приговоръ. Удивленный Циммерманъ спросилъ его: на чѣмъ онъ основывалъ такое сужденіе? «На движеніи шеи,» отвѣчалъ Лафатеръ. Странно то, что это замѣчаніе было разительно спра ведливо. Наконецъ, послѣ многолѣтнихъ изученій, послѣ многихъ сужденій то справедливыхъ, то отважныхъ, послѣ множества рисунковъ, послѣ оставленныхъ и снова предпринятыхъ попытокъ, Лафатеръ положилъ начало системѣ, какую видѣли въ засѣданіи цюрихскаго общества.

Предварительное разсужденіе Лафатера, было вѣрено Циммерману, а тотъ безъ его вѣдома напечаталъ и тѣмъ вызвалъ автора на публичную защиту теоріи физиономики. Удовольствіе отъ наблюдений, поощреніе отъ постепенно пріобрѣтенныхъ результатовъ, естественное желаніе распространить и усовершентъ

основанія науки, которой творцемъ могъ почитать себя Лафатеръ, — все, даже до ядовитыхъ и нестойкихъ колкостей критики, впоследствии заставило его сдѣлать второе, болѣе обширное изданіе, въ сравненіи съ которымъ первое едва представляло очеркъ и которое ввело его въ издержки, истощившія почти все его состояніе. Онъ не ограничился изданіемъ своего сочиненія на нѣмецкомъ языкѣ, но изготавилъ и французское, съ рисунками, тщательно отдѣланными, безъ сомнѣній съ тѣмъ чтобы дать своимъ трудамъ большую извѣстность. Между-тѣмъ какъ столь многіе умы во всякое время умудрялись въ практической наукѣ обманывать людей, Лафатеръ съ благороднымъ усердіемъ основалъ науку познавать ихъ и говорить имъ правду о другихъ и объ нихъ самихъ.

На самомъ дѣлѣ Лафатеръ часто обманывался, и иногда довольно грубымъ образомъ. Однажды, онъ въ профиль нарисованный портретъ преступника, столь же глупаго, сколько дикаго, колесованнаго въ Ганноверѣ, принялъ за портретъ Гердера. Силюзтъ, правда, былъ нѣсколько невѣренъ, однакожъ промахъ былъ жестокой. Даже и тогда, когда Лафатеръ пріобрѣлъ больше опытности и познаній, онъ впадалъ иногда въ заблужденія весьма важныя, когда на свидѣтельство его чувствъ слишкомъ живо дѣйствовало его воображеніе. Нѣкоторые справедливыя сужденія исправили эти неудачныя предсказанія. Онъ угадалъ Мирабо по доставленной ему гипсовой маскѣ этого оратора; онъ съ перваго изгляда произнесъ приговоръ о Неккерѣ и авторѣ *Картины Парижа*, нарочно прибывшемъ въ Цюрихъ, чтобы физиономистъ разгадалъ его по лицу. Упускаемъ многіе чудные анекдоты, болѣе или менѣе сомнительные, разсказанные біографами, какъ напримеръ о молодомъ и прекрасномъ аббатѣ Фриктѣ (Frickt), объ одномъ изъ убійцъ Густава III, и прочая. Всякій разъ, когда умъ Лафатера не былъ омраченъ какимъ-нибудь предубѣжденіемъ, его рѣшенія, основанныя на вѣрныхъ наблюденияхъ, носили на себѣ печать тонкой разборчивости и показывали рѣдкую проницательность. Не нужно говорить, что, изъ любопытства, суетности, опасенія, каждый день стекались къ нему двусмысленныя фигуры и докучливые вопрошатели. Часто на прекрасныхъ лицахъ и между двухъ прекрасныхъ глазъ, Лафатеръ, какъ Монтанъ, открывалъ угрозы злой и опасной природы, или, обладая врачебною діагностикой, съ волненіемъ, котораго не могъ удер-

жать, извѣдывая внутреннія физическія поврежденія, признаки смертельнаго болѣзненнаго припадка или глобоваго разстройства организма.

Какъ всякій догматическій писатель, Лафатеръ нажилъ себѣ фанатическихъ послѣдователей и еще болѣе изступленныхъ враговъ. Не нужно говорить, что онъ былъ предметомъ шутокъ и насмѣшекъ. Въ первомъ ряду обращенныхъ противъ него нападеній, должно замѣтить самое оригинальное и самое язвительное разсужденіе Лихтенберга, писателя-ипохондрика и черезъ-чуръ запосчиваго, впрочемъ, умнаго и пользовавшагося всеобщимъ довѣріемъ. Эти замѣтки Лихтенберга, — сперва напечатанныя въ *Геттингенскомъ Альманахѣ*, и которыхъ потомъ вышло въ свѣтъ много исправленныхъ изданій, — не столько суть истинныя возраженія, сколько взглядъ на главныя трудности, изученія физиономіи. Лафатеръ отвѣчалъ на нихъ довольно умѣренно, но Циммерманъ имѣлъ неблагоприятное вмѣшательство въ споръ съ задорнымъ тономъ. Лихтенбергъ, задѣтый за живое, вдругъ перемѣнилъ тонъ и сдѣлалъ отвѣдъ съ ѣдкою критикою, въ родѣ пародіи на *физиономику*, въ которой грубая соль и самыя горькія шутки не были пощажены. * Николай и другіе, болѣе или менѣе извѣстные писатели, также возставали противъ физиономики, иногда съ важностію, иногда съ остротами ироніи. Нѣкоторые дошли даже до того, что представляли физиономику на сценѣ или въ романахъ. Какой-то веймарскій профессоръ выдумалъ *физиономическое путешествіе*, умное и веселое. Упускаемъ множество безыменныхъ сочиненій, изданныхъ противъ Лафатера подъ странными названіями и вапитанныхъ ѣдкими личностями, каково, напримеръ, сочиненіе подъ названіемъ *les Breloques*.

Въ нѣмецкомъ изданіи Лафатеръ бросилъ нѣсколько шутокъ на физиономию сапожниковъ. Почтенный цехъ жаловался и городъ Цюрихъ, которому недоставало прекраснаго характера аонскаго, чтобы снести аристофановскую вольность, заставилъ виновнаго письменно просить извиненія у господъ членовъ братства святаго Крепина. Это письмо было напечатано въ *Нѣмец-*

* Лихтенбергъ послѣ одумался и даже отозвался о своемъ противникѣ такъ: «Я считалъ его только смѣшнымъ шарлатаномъ; но когда его увидѣлъ, онъ невольно обезоружилъ меня, и я нашелъ въ немъ такую прелесть, противъ которой нельзя устоять».

комъ музетъ, безъ вѣдома автора, который, будучи слишкомъ простодушенъ, чтобы вѣрять вѣроломной и притворной ненависти, не хотѣлъ понять, что эта ничтожная жалоба сапожниковъ произошла издалика и была возбуждена въ этихъ забавныхъ противникахъ болѣе важными неприятелими.

По появленіи книги, произошло большое волненіе и какъ бы панической ужасъ въ извѣстной публикѣ. Всякъ, пося маску, держалъ ее рукою, опасаясь, чтобы ее не сорвали и не прочли на его лицѣ такъ же какъ въ открытой книгѣ, а многіе, узнавшіе себя въ той книгѣ, громко кричали. Авторъ былъ обвиненъ въ оскорбленіи святилища сердца и въ дерзновенномъ освѣщеніи *пещеры человека*, по выраженію Бекона. Императоръ Іосифъ I, тотъ самый, съ которымъ цюрихскій пасторъ имѣлъ нѣкогда свиданіе, сказалъ ему напрямки, что онъ — человекъ опасный, и что его надо остерегаться. Много было и другихъ предубѣждений противъ Лафатера. Сочиненіе его, которое немногіе читали со вниманіемъ, а только пробѣгали, смѣло осуждено съ перваго поверхностнаго взгляду, хотя и нельзя было опровергнуть ни малѣйшаго изъего намековъ. Въ физиономистѣ есть языкъ, рисунокъ, гораздо важнѣйшій чѣмъ текстъ, который подлежитъ понять, прежде чѣмъ безрасудно отвергать плодъ тонкихъ и долговременныхъ наблюдений; хорошо было бы, если бы кто-нибудь былъ въ состояніи самъ съ собою повѣрить эти наблюдения и повторить. Лафатера упрекаютъ въ ложномъ направленіи ума, въ заблужденіяхъ воображенія, въ суевѣрныхъ вѣрованіяхъ, не обращая вниманія на прозорливаго и проницательнаго наблюдателя, который основывалъ свои положенія на изученіи природы. Что нужды до излишнихъ выходовъ характера и нравственныхъ странностей ученаго, если знаніе истинно и само въ себѣ основательно?

Не смотря на аналогію въ безчисленномъ множествѣ человеческихъ лицъ, каждое недѣлимое, или, лучше, каждая форма, каждое сотворенное бытіе ошутительно разнится отъ другаго недѣлимаго, отъ другаго бытія своего рода. Такъ и въ умахъ, ни одинъ не бываетъ совершенно похожъ на другой; откуда слѣдуетъ, что эти двѣ разности, одна внѣшняя, другая внутренняя, вездѣ постоянныя и параллельныя, должны имѣть отношеніе между собою, и что первая необходимо бываетъ причиною второй. Почва, климатъ, званіе, цѣлая средина, въ которой мы заключаемся, напечатлѣ-

вают умственные знаки, оставляют неизгладимые отпечатки на тѣлѣ человѣческомъ. Тѣмъ больше душа, всегда присущая и дѣятельная, которая живетъ и дѣйствуетъ въ каждомъ мускулѣ, должна имѣть влияние на лице, доставляющее такимъ образомъ выраженія и слѣды нашихъ мыслей, нашихъ склонностей, нашихъ способностей. Душа просвѣчивается сквозь свою оболочку, какъ пагое тѣло сквозь тонкое покрывало. Въ системѣ творенія, гдѣ все подчинено законамъ, исполненнымъ порядка и мудрости, гдѣ все — гармонія, одному человѣку нельзя завидѣть отъ законовъ произвольныхъ. Сто разъ повторенная встрѣча, глаза, полные огня, при живомъ и пронизательномъ умѣ, очевидно, не можетъ быть произведеніемъ одного случая, но оно есть естественное, непосредственное и взаимное отношеніе дѣйствія къ причинѣ. Противно здравому смыслу, чтобы Ньютонъ и Лейбницъ были похожи на глухца отъ рожденія, чтобы Феодисея могла зародиться въ мозгу, похожемъ на мозгъ Лапандца, а планеты были взвѣшены и солнечные лучи раздроблены въ головѣ, похожей на голову Эскимоса. Никто не осмѣлится утверждать, чтобы въ грязномъ и отвратительномъ тѣлѣ Голубейнскаго, нищаго жидка, могла обитать и свободно дѣйствовать душа св. Іоанна. Все согласны, что радость, печаль, спокойствіе, имѣютъ свои собственныя выраженія. Почему бы не быть тому же съ гнѣвомъ, кротостію, гордостью и смиреніемъ? Отъ востока до запада, зависть нигдѣ не имѣетъ граціознаго вида благорасположенія, а неудовольствіе — вида повинновенія. Справедливо, что Филоктетъ сѣтуетъ иначе, нежели невольникъ, наказанный своимъ господиномъ, что Ангелы Рафаэля улыбаются гораздо благороднѣе чѣмъ ратующіе ангелы Рембрандта; но подобныя расположенія, какъ бы ни были разнообразны ихъ оттѣнки у разныхъ людей, дѣйствуя постоянно по тѣмъ же законамъ на тѣ же мускулы и на тѣ же нервы, имѣютъ только одинъ и тотъ же языкъ.

Во всякое время и во всякой странѣ, во всѣхъ отношеніяхъ и во всякомъ обществѣ, во всѣхъ рядахъ возможныхъ событій, люди вообще, на какой бы степени ни стоялъ ихъ разумъ, каковы бы ни были ихъ понятія, ясныя или сбивчивыя, по инстинкту или наблюдению, — судятъ о предметѣ по его физиономіи, по его данной поверхности, и по наружнымъ признакамъ заключаютъ о внутреннихъ его качествахъ. Вся-

кій человѣкъ, — отецъ, ищущій наставника для своихъ дѣтей, наставникъ, наблюдающій раждающіяся способности своего питомца, молодой человѣкъ, ищущій по други по своему сердцу и потребностямъ своего состоянія, государь и министр, выбирающіе себя секретаря, наконецъ, всякій человѣкъ, для котораго много значить отличить скромнаго и вѣрнаго служителя отъ обманщика и вѣроломца, слѣдуютъ безсознательно впушенію физиономическаго чувства, называемаго предчувствіемъ, инстинктомъ, естественною симпатіей и антипатіей, невольнымъ или разсудительнымъ сужденіемъ. При встрѣчѣ новаго и страннаго какого-нибудь человѣка, мы невольно дѣлаемъ сужденіе болѣе или менѣе вѣрное по его взгляду, наружности, улыбкѣ, формѣ лба и такъ далѣе, и покушаемся приписывать ему такія или другія способности. Мы принимаемъ такого-то гостя съ веселымъ лицемъ, а другаго убѣгаемъ съ холодною вѣжливостію. Это, можетъ-быть, сравненіе, заключеніе, извлеченное изъ знакомаго характера и примѣненное къ незнакомцу по какому-нибудь наружному сходству; всего же чаще это — чистое слѣдствіе внезапныхъ впечатлѣній на наши чувства. Природа и искусство доставляютъ множество чертъ и округлостей, которыхъ выраженіе бываетъ понятно для наблюдателя не столь опытнаго, и которыя дѣлаютъ на него впечатлѣніе независимо отъ этого сравненія съ знакомыми предметами. Подобно звукамъ и предметамъ вообще, есть физиономіи для насъ пріятныя и непріятныя. Дитя, стоящее между разверзтою пастью тигра и веселымъ лицемъ добраго человѣка, навѣрно задрожитъ при видѣ первой, и на улыбку втораго отвѣтитъ такою же улыбкой; равнымъ образомъ, оно съ удовольствіемъ станетъ слушать пріятную мелодію, между-тѣмъ-какъ громкій шумъ будетъ ему непріятенъ. Все это происходитъ не отъ размышленія или умственнаго сравненія, но отъ естественнаго и первоначальнаго чувства.

Итакъ физиономика есть чувство, созерцающее причины въ дѣйствіяхъ; это — наука по извѣстнымъ признакамъ наблюдать то, что не поражаетъ чувства непосредственно. Въ обширнѣйшемъ смыслѣ это наука узнавать отношеніе внѣшняго къ внутреннему; видимой поверхности къ ея невидимому; вещества одушевленнаго и видимаго къ началу невидимому, которое напечатлѣваетъ на него характеръ жизни; дѣйствія обнаруженнаго къ сокровенной силѣ,

его производящей. Физиономика имѣетъ внутреннія отношенія, прямую связь съ отдаленными частями философіи, съ естественной исторіей, съ анатоміей, съ физиологіей, съ медициной, съ живописью и поэзіей, словомъ, со всеми искусствами и науками, которыхъ предметъ составляетъ наблюденіе или подраженіе живой и страстной природы. Истинная ея цѣль, освобожденная отъ всякаго сброда дѣтскихъ внушеній, состоитъ не въ томъ, чтобы открывать дѣйствительныя, сокровеннѣйшія мысли человѣка, тайныя движенія его души, съ которыми она не знаетъ, что дѣлать, но въ томъ, чтобы доходить до познанія основнаго характера, дарованій, способностей, силъ, расположеній, дѣятельности, генія, чувствительности.

Кромѣ Аристотеля, который писалъ о физиономіи и котораго трактатъ содержитъ въ себѣ множество истинныхъ фактовъ, большая часть философовъ или физиковъ, занимавшихся этимъ предметомъ до Лафатера, выражались только общими мѣстами. Это были скорѣе гадатели, составлявшіе отвѣты оракуловъ, нежели строгіе и точные испытатели. Физиономика состояла не больше какъ въ отрывкахъ, разбросанныхъ по обширному полю философіи, или смѣшанныхъ съ пустыми формулами метеморкопій, хиромантіи и всѣхъ суевѣрныхъ зачатій XV вѣка. Ла-Шамбръ, Персепти, Кларамонтій вовсе не употребляли рисунка и, кажется, сами не наблюдали. Порта занимался лишь сравнительною физиономіей человѣка и животныхъ. Персенъ (Poersen), Бюфонъ, Лебрионъ и самъ Ла-Шамбръ писали только о *патогномоникѣ*, или физиономіи въ движеніи, пренебрегали все цѣлое явленіе въ состояніи покоя. Отличительная и важная услуга Лафатера состоитъ въ томъ, что онъ отдѣлилъ выраженія страстей отъ признаковъ и отпечатка склонностей и привычекъ; объяснилъ хаосъ правилъ слишкомъ общихъ, при помощи частныхъ наблюденій. Онъ показываетъ значеніе каждой части, отдѣльно взятой, и часто судитъ не столько по цѣлому, сколько по одной характеристической чертѣ.

Лафатеръ писалъ только отрывки, неполные, несвязные, растянутые, съ повтореніями, съ безпорядкомъ, но остроумные, занимательные, весьма полезные, полные фактовъ и идей, которые указываютъ на задачи, и подають по-крайней-мѣрѣ поводъ къ вопросамъ, если не рѣшаютъ ихъ. Это рядъ эскизовъ, довольно похожихъ на картины, которыя живописецъ не могъ окон-

чить, и въ которыхъ, подъ неполными очерками легко отличась мысль и даже геній артиста.

Не входя прямо въ составъ науки человѣкопознанія, *обція разсужденія* Лафатера открываютъ къ ней глубокую перспективу и содержатъ въ себѣ всѣ данныя, могущія способствовать изученію. Это — какъ бы притворъ храма, долженствующаго посвящать въ физиономическія таинства, — притворъ, можетъ быть, слишкомъ обширный, и въ которомъ слишкомъ долго задерживаютъ новопосвящаемаго. За мѣстомъ, которое взято изъ сочиненія Гердера о *достоинствѣ человеческой природы* и служить введеніемъ, слѣдуютъ, одинъ за другимъ, отрывки о всеобщности и пользѣ физиономіи, объ ея трудностяхъ и выгодахъ, удобности и затрудненіяхъ, ея мнимыхъ ошибкахъ, объ осязаніи и чувствѣ физиономическомъ. Отдѣлъ объ изученіи физиономики, можно разсматривать какъ философію науки, какъ то чужое сокращеннаго на нея взгляда. Далѣе, авторъ разсуждаетъ о наукѣ смотреть и наблюдать физиономіи и расточаетъ свои совѣты усерднымъ адептамъ.

Весь первый томъ составляетъ длинный приступъ къ дѣлу, мелочное полемическое защищеніе. Физиономистъ разставляетъ по землѣ главныя приметы, которыя должны служить ему проводниками, упускаетъ всѣ мелочи, сильно изображая побудительныя причины своего убѣжденія, ссылаясь, не безъ нѣкотораго тщеславія, на авторитеты, благопріятствующіе наукѣ, отъ Соломона до Гердера, мимоходомъ касаясь Цицерона, Мопталя, Бекона, Лейбница, Вольфа и другихъ, разсказывая, въ доказательство, анекдоты, мѣстами опровергая возраженія, которыя ему противопологаютъ, или которыя онъ самъ предчувствуетъ, разрушая противныя предубѣжденія, и всего болѣе, съ вѣроломною ловкостію вставляя многіе противные параграфы, имъ цитруемые, между двумя своими параграфами, которые ихъ жмутъ, давятъ и душатъ словно въ тискахъ. Это какъ бы живыя стычки передъ сраженіемъ. Въ этомъ множествѣ краткихъ, предварительныхъ отрывковъ, добрый Лафатеръ выказываетъ наивность, энтузіазмъ, чрезвычайный жаръ, плодовитый до многословія. Его вѣра, всегда столь простосердечная, кажется, иногда доходить до вдохновенія.

«Многіе люди, говоритъ онъ, по цѣлымъ днямъ станутъ спорить о физиономикѣ, выдумывать противъ этой науки возраженія, которыя иногда трудно тотчасъ рѣшить. Въ ожиданіи, физиономистъ молча слушаетъ,

сметается надъ насмѣшками и исторгаетъ изъ толпы человѣка, котораго достоинство было пренебрежено; онъ обнимаетъ и называетъ его своимъ братомъ, и это открытіе доставляетъ ему такую радость, которую не въ состояніи возмутить все софизмы свѣта.»

Если хотѣть убѣдиться, до какой степени Лафатеръ позволяетъ себѣ заблуждаться и сколь необузданно предается своей природной склонности къ преувеличеніямъ, пусть прочитаютъ статью *о качествахъ физиономиста*. Тутъ есть забавное исчисленіе, цѣлая программа условій къ исполненію, отъ недостатка которыхъ слывятся недостойными, и соединеніе которыхъ на-вѣрно составило бы феникса, едва ли возможнаго въ природѣ. Эти условія суть: счастливая наружность, хорошее сложеніе, гибкая организація, зоркій глазъ, тонкія чувства, умъ, воображеніе и прочая. Не лучше ли бы держаться просто двухъ качествъ существенныхъ: точности зрѣнія и глубокой чувствительности, усовершенныхъ навыковомъ? Автору *физиономики* слѣдовало бы соединить въ себѣ все тѣ выгоды, которыхъ онъ требуетъ: нѣсколько терпѣнія, еще меньше досуга, посредственную способность къ рисованію, весьма поверхностныя анатомическія свѣдѣнія, вещь весьма страшную для физиономиста, весьма близорукое зрѣніе, какъ у Бюффона и Жанъ-Жака, этихъ наблюдателей природы. Но чего не могутъ сдѣлать точность инстинкта и разборчивый вкусъ, въ соединеніи съ постоянствомъ? Они вмѣстѣ играютъ матеріальными затрудненіями и поправляютъ даже самое несовершенство органовъ.

Въ другомъ мѣстѣ, въ главѣ *о красотѣ тѣла человеческого*, Лафатеръ даже сказалъ, что «самый слабый изъ живыхъ недоносковъ, по достоинству, превзойдетъ самое прекрасное и самое совершенное изъ животныхъ.» Это уже что-то слишкомъ отважное. Сколько разъ покушались отвращать глаза отъ этихъ презрѣмыхъ людей, съ безобразными лицами, съ отвратительными и чудовищными харями, этихъ отверженцевъ рода человеческого.

Правственность человѣка открываетъ себя во всѣхъ видахъ бытія, во всѣхъ частяхъ его тѣла и особливо въ формахъ и соразмѣрностяхъ его головы, которая одна, при недостаткѣ всѣхъ другихъ признаковъ, достаточно могла бы насъ характеризовать. Итакъ, приступая къ своимъ *изслѣдованіямъ*, въ собственномъ смыслѣ слова, Лафатеръ занимается человѣческой фи-

гурою, и сперва черепомъ, главнымъ мѣстомъ и средоточіемъ нашихъ умственныхъ способностей.

Здѣсь Лафатеръ неизбежно встрѣтился съ Галлемъ (Gall): тѣ же наблюденія и то же направленіе идей на извѣстныхъ точкахъ. Оба, стараясь познать внутреннее посредствомъ вѣшняго, нравственнаго человѣка посредствомъ физическаго, хотѣли читать склонности сердца и стремленія ума на языкъ, писанномъ самою природою на самыхъ твердыхъ частяхъ организаціи. Оба разсматривали черепъ человѣческой или его вѣрную копию въ рельефъ, какъ памятникъ, который, будучи тѣмъ для наблюдателя обыкновеннаго, доставляетъ цѣлую массу любопытныхъ и разнообразныхъ явленій изъясненію физиономиста. Впрочемъ, между ними есть весьма много характеристическихъ различій. Галль, ограничивъ свои наблюденія различіями черепа, стѣснилъ поле наблюденія, чтобы напередъ больше обработать его; Лафатеръ, напротивъ, обнимаетъ въ своей физиономикѣ все проявленія лица и даже тѣла, обнимаетъ все, что имѣетъ значеніе и языкъ въ наружности человѣка. Галль, при помощи осязанія, пріобрѣтаетъ важныя для него и какъ бы въ рельефѣ изваяныя признаки на разныхъ частяхъ черепа; Лафатеръ, довѣряя иногда первому взгляду, во всякомъ случаѣ, судить по одному чувству зрѣнія. Цѣль ихъ еще больше различна. Въ наблюденіи Лафатера встрѣчаются только два термина: признакъ физиономической, и состояніе сердца или ума, соответствующее этому признаку; онъ не пытается, какъ безразсудный анатомистъ или физиологъ, восходить къ матеріальной и органической причинѣ.

Галль, больше смѣлый, думая найти въ мозгу тайны души человѣческой, придумалъ на черепъ, служащемъ оболочкой мозга, уловить откровеніе этихъ тайнъ, уловить знаки внутреннихъ чувствованій, отъ которыхъ происходятъ нравственныя и умственныя различія между людьми. У него три термина: знакъ, органическая причина, показываемая этимъ знакомъ, и нравственныя и умственныя дѣйствія, отъ нея зависящія. Восторженная набожность добраго Лафатера была встревожена при одной идеѣ ученія, старающагося сдѣлать матеріальными явленія, которыя, по религіозному вѣрованію, текутъ изъ божественнаго источника.

Природа, въ противность искусству, не подбираетъ частей отдѣльно. Образуетъ ли она самое малое растеніе, или творитъ самаго высокаго человѣка, она

творитъ за-одинъ разъ. Во всей организаціи она дѣйствуетъ изнутри наружу, и всякая окружность клонится къ общему центру. Эта же самая сила выводитъ сводомъ черепъ и ногти на пальцахъ. Спина связана съ головою, изъ плечъ выходятъ мышцы, изъ мышцъ руки, а изъ рукъ, въ свою очередь, пальцы. Тѣло человеческое можно бы сравнить съ растеніемъ, въ которомъ всякая часть сохраняетъ характеръ ствола: вездѣ корни идутъ въ стволъ, изъ ствола выбѣгаютъ вѣтви, изъ вѣтвей цвѣты и плоды. Всякая часть бываетъ похожа на цѣлое и носить на себѣ его характеръ. Въ человѣкѣ все — гармонія; одна и та же кровь обращается въ сердца, въ головы и въ руки. Это-то существенно истинное и обильное начало Лафатеръ взялъ развить въ своихъ краснорѣчивыхъ разсужденіяхъ объ *однородности* нашего тѣлосложенія. Онъ въ нихъ доказываетъ, что человѣкъ, при всемъ существенномъ противорѣчій, тѣмъ не менѣе всегда бываетъ одинаковъ въ цѣлой сферѣ своей дѣятельности; что даже самыя его противорѣчія имѣютъ свою сообразность; что въ насъ все соответствуетъ внутренней и невидимой причинѣ; что нашъ образъ воспроизводитъ себя, размножаетъ себя во всемъ, что изъ насъ истекаетъ.

Потомъ Лафатеръ тщательно и подробно разбираетъ разныя составныя части лица, въ отношеніи къ ихъ частному выраженію: лобъ, который древніе называли *дверью души*; глазъ, со всеми особенными или прелестными измѣненіями его радуги, и его зрачекъ, въ которомъ, какъ въ волшебномъ зеркалѣ, живописуются образы нашихъ тайныхъ волненій; носъ, который можно почитать пятою мозга, и который архитектурно поддерживаетъ весь сводъ лба; брови, которыя двоякимъ движеніемъ, вверхъ и внизъ, выражаютъ два чувственныя желанія души: пріятное и гнѣвное; ротъ и губы, чрезъ которые исходитъ дыханіе жизни. Всякая другая черта, не смотря на ихъ видимую незначительность, какъ-то: щеки, подбородокъ, зубы, уши, волосы, борода, руки, равно какъ и другія части тѣла, составляютъ предметъ его изслѣдованія. Онъ не привязывается къ однѣмъ формамъ, но, кромѣ того, наблюдаетъ все степени возмущенности и наклоненія, разсматриваетъ отдѣльно характеры, которые можно извлекать изъ стана, соразмѣрностей, походки, положенія тѣла, тѣлодвиженій вообще, изъ словъ и голоса, изъ слога, по-

черка, рисовки и колорита, изъ одѣнія, даже изъ мѣста жительства. Въ самомъ дѣлѣ, все можетъ открыть человѣка, выставитъ его въ рѣзкихъ чертахъ и, такъ сказать, на цепу, не только всякая черта и очеркъ, но и всякое измѣненіе, дѣйствительное или страдательное, всякое положеніе тѣла, всякое движеніе жизненныхъ духовъ или эхо самого себя. «Ахъ! говоритъ Лафатеръ, если бы человѣкъ зналъ, на сколькихъ языкахъ вдругъ говоритъ онъ, подъ сколькими видами обнаруживаетъ себя въ одну и ту же минуту, какъ онъ являетъ себя въ глазахъ подобныхъ себѣ, — съ какимъ достоинствомъ, съ какою мудростию сталъ бы вести себя! сколько былъ бы онъ внимателенъ къ очищенію своихъ чувствъ и намѣреній, сколько былъ бы не похожъ на то, что есть!»

Вся эта часть системы доставляетъ уму, даже не въ подлзу автора предубѣжденному, множество положительныхъ наблюденій и очевидныхъ истинъ. Великое множество физиономическихъ опытовъ, съ столь же многими выразительными картинками, щедро рассыпанными въ этомъ мѣстѣ сочиненія, удобно позволяютъ слѣдить за авторомъ на многообразныхъ путяхъ его доказательствъ.

Воображеніе, неоспоримо, имѣетъ вліяніе на физиономию. Часто очень живое представленіе трогаетъ насъ больше, чѣмъ дѣйствительность; часто мы сильнѣе привязываемся къ образу и легче съ нимъ сливаемся, нежели съ самымъ предметомъ. Наше воображеніе дѣйствуетъ не только на насъ самихъ, но и на другихъ: воображеніе матери имѣетъ вліяніе на ея дитя, и вотъ почему стараются развлекать женщинъ во время ихъ беременности, или занимать ихъ идеями веселыми, даже окружать предметами пріятными. Насъ или любимый предметъ преобразуетъ по-своему, или мы стараемся преобразить его по-нашему. Нѣтъ ничего достовернѣе этихъ началъ. Но не слишкомъ ли много послѣдствій выводитъ Лафатеръ въ своей фантастической и слишкомъ основанной на догадкахъ главѣ *о вліяніи воображенія*, въ которой многія изъясненія, кажется, болѣе достойны XV, нежели XIX вѣка?

Въ ученіи *о гармоніи между нравственною и физическою красотой* Лафатеръ, чрезъ принужденные выводы изъ нѣкоторыхъ истинныхъ началъ, доходитъ до слѣдующаго общаго, но ложнаго заключенія, что «Красота и безобразіе лица имѣютъ тѣсное отношеніе къ нравственному характеру чело-

вѣка; что такимъ образомъ, чѣмъ онъ нравственно добрее, тѣмъ прекраснѣе, и чѣмъ нравственно хуже, тѣмъ безобразнѣе.» Это противно опыту всѣхъ временъ и всѣхъ странъ, представляющихъ намъ множество порочныхъ, даже преступныхъ, но одаренныхъ красотою людей (истина, еще болѣе поразительная въ отношеніи къ женщинамъ), между-тѣмъ-какъ безобразіе часто соединяется съ добродѣтелью. Отвергать и допускать отношенія совершенства души съ совершенствомъ формы тѣла, безъ сомнѣнія, значило бы отрицать силу выраженія. Онъ открываетъ себѣ невыразимую прелесть на лицѣ въ ту минуту, когда живописуетъ благородныя чувства, каковы бы впрочемъ ни былъ обыкновенный его видъ. Еслибы Лафатеръ сказалъ только, что добродѣтель облагораживаетъ и украшаетъ нѣкоторыя безобразныя лица черезъ нравственное отраженіе ея лучей, и что порокъ налагаетъ клейма отверженія на лица, по природѣ прекрасныя, — онъ былъ бы ближе къ истинѣ. Что касается до красоты очертательной и пластической, съ которою мы рождаемся, то неоспоримо, что она независима отъ порока и добродѣтели, и даже часто бываетъ въ противоположности съ ними. Винкельманъ основательно сомнѣвается, чтобы самый честный Нѣмецъ, при помощи добродѣтели, могъ сравняться въ красотѣ съ какимъ-нибудь Неаполитанцемъ дурнаго поведения. Различныя обстоятельства жизни, случай, болѣзнь, разрушительное вліяніе климата и другія многія причины, могутъ притупить, разстроить, вспучить или сморщить округлость лица, обезобразить первоначальную красоту человека, который тѣмъ не менше остается тотъ же въ отношеніи къ нравственности. Что тогда дѣлается съ вашимъ началомъ постоянной гармоніи между красотою нравственною и красотою физическою? Неоспоримо, что обыкновенное выраженіе самыхъ кроткихъ и самыхъ благородныхъ чувствованій можетъ измѣнять физиономію, прибавлять красоты, или безобразіе дѣлать любезнымъ. Отношеніе всегда существуетъ, впрочемъ, не столь безусловное, котораго Лафатеръ не хотѣлъ постановить.

Вся древность единогласно оуждала физиономію Сократа. Зопперъ много разсказалъ намъ объ ней худого. Алкивиадъ, который могъ лучше судить о томъ, говорилъ, что Сократъ былъ похожъ на Силена. Вотъ доказательство, что лучший и мудрейшій изъ людей имѣлъ физиономію глупца и сластолюбца. Это значитъ,

что премудрость Божія иногда утверждаетъ свое жилище въ простыхъ скудельныхъ сосудахъ, презрѣнныхъ въ глазахъ свѣта. Она требуетъ благоговѣнія, ей одной подобающаго, и попускаетъ внутренней своей красотѣ быть въ пренебреженіи у черни, или даже быть предметомъ поруганія, чтобы ея сосудъ не возносился выше преимуществъ, ему удѣленныхъ. Лафатеръ, который часто себѣ противорѣчитъ, въ другомъ мѣстѣ самъ же говоритъ: «Отвратительная наружность; геній и добродѣтель, таящіяся иногда въ безвѣстной хижинѣ, также могутъ облекаться въ неправильную форму. Но съ другой стороны, — справедливо присовокупляетъ онъ, какъ бы поправляя себя, — встрѣчаются и такія формы, къ которымъ геній и благородство чувства не могутъ найти доступа, точно такъ, какъ есть зданія, которыя перестаютъ быть жилищами для людей.» Онъ же въ другомъ мѣстѣ говоритъ: «Самыя безобразныя и самыя неприятныя физиономіи иногда бываютъ весьма честныя, между-тѣмъ-какъ самыя прекрасныя и съ лучшими соразмѣрностями, часто бываютъ явно коварны.»

Страсти или, иначе сказать, чувства души, въ отношеніи въ физиономіи, можно почитать явленіями живой экономіи, которыя, заражаясь внутри, оканчиваются снаружки, частью въ чертахъ лица, частью въ цѣломъ наружномъ составѣ организаціи. Такимъ образомъ онъ, разсматриваемыя въ ихъ тѣлесной и видимой части, даютъ мѣсто фактамъ, которые весьма важны для наблюденія, чтобы опредѣлить достоинство человека, и составляютъ рядъ изысканій, связывающихъ физиономику съ нравственными науками. Эти движенія, эти наружныя измѣненія какъ въ лицѣ, такъ и во всемъ тѣлѣ, раздѣляетъ Лафатеръ на три класса: 1) *страсти судорожныя* (les passions convulsives), къ которымъ относятся чувства ненависти, впечатлѣній сильныя и неприятныя, имѣющія довольно сильное вліяніе на органы мускуловъ; 2) *страсти гнетущія* (passions oppressives) или глубокая, сосредоточенныя и какъ бы собранныя въ сердце, грудной перепонкѣ и внутренностяхъ; 3) страсти *расширяющія* (passions expansives), производимыя нѣкоторымъ расширеніемъ, раздраженіемъ организма, страсти привлекательныя и пріятныя, украшающія и умножающія наше существованіе. Лафатеръ съ тонкими и часто глубокими отбѣнками описываетъ разныя эти страсти, къ наблюденію

которыхъ особенно увлекали его меланхолія и восторженность. Онъ различаетъ еще знаки *первоначальныя* или *невольныя*, зависящіе отъ порчи, которая происходитъ отъ впечатлѣній сильныхъ, быстрыхъ и непреодолимыхъ, — и знаки *произвольныя*, въ которыхъ проявляются дѣйствія ума, случайно измѣняющія физиономію, каковы: воображеніе, вниманіе, созерцаніе и прочая.

Эти случайныя страсти, если ихъ дѣйствія повторяются, могутъ дѣлаться то частными направленіями и господствующими навѣками ума, то привычными движеніями сердца, оставляющими на лицѣ слѣды не только продолжительныя, но и постоянныя. Онъ составляетъ физиономіи, которыя Лафатеръ весьма хорошо называетъ *нравственными* и *умственными*. Если вы хотите имѣть нѣкоторое понятіе о признакахъ искренности, скромности, твердости, гордости, добродушія, цѣломудрія и прочая, а потомъ также о физиономіяхъ набожныхъ, о трехъ главныхъ классахъ сложений религіозныхъ, коихъ рѣзкіе типы сняты съ Кальвина, Цинцендорфа и св. Павла, то читайте текстъ во всей подробности его тонкихъ, слишкомъ тонкихъ различій. Самое подражаніе религіозному чувству, лицемѣрію или религіи на словахъ, смѣсь чувства и принужденности, истины и наружности, ума и манеры, — все это выражается также весьма отлично въ физиономіяхъ. *Физиономіи умственные* заключаютъ въ себѣ общіе признаки ничтожности, посредственности, памяти, вкуса, разума, ума, воображенія и, наконецъ, генія. Къ этому изученію относятся оцѣнка характеристическихъ физиономій артистовъ, между прочими, оцѣнка живописи и музыки, физиономій поэтовъ, философовъ, физиковъ, генераловъ и людей государственныхъ.

Особливая глава, богатая весьма многими гравюрами, посвящена *физиономіямъ идеальнымъ*, разсматриваемымъ по отношенію къ двумъ главнымъ системамъ религіи, къ греческой или языческой міоологіи, которая соответствуетъ міру древнему, и къ христіанству, которое соответствуетъ міру новому.

Въ двухъ занимательныхъ отдѣлахъ Лафатеръ особенно занимается силуэтами и искусствомъ портретнымъ. Впрочемъ, онъ показалъ только прекрасное и важное примѣненіе физиономики частью къ живописи, частью къ исполнительній части искусства драматическаго, и въ его твореніи относительно этого предмета есть пробы. *Физиономіи подражательныя*, такъ же, какъ и физиономіи идеальныя, имѣютъ предметомъ возбуж-

дать болѣе или менше сильныя волненія, изображеніемъ страстей и чувствованій, но онъ разнится отъ физиономій свѣше-человѣческихъ въ томъ смыслѣ, что менше удалены отъ природы. Болѣе живыя и болѣе одушевленные, онъ суть такія представленія, въ которыхъ живописецъ самъ — картина, и ни откуда не заимствуетъ посторонняго пособія, чтобы произвести дѣйствія столь трогательныя и столь страстныя.

Въ родѣ главнаго возраженія противъ физиономики, говорили: какія истины можно извлечь изъ физиономій изуродованныхъ или униженныхъ? Нѣкоторые люди употребляютъ невообразимыя усилія казаться лучшими, нежели каковы они на самомъ дѣлѣ, и всякой изъ нихъ могъ бы сказать, какъ Шекспировъ Яго: «не я показываю усердіе и любовь, а мое лице.» Глубоко изучившіе науку притворства, при помощи приготовленной наружности, обманываютъ самыхъ опытныхъ физиономистовъ. Это въ особенности имѣетъ мѣсто у придворныхъ, образованныхъ навѣкомъ большаго свѣта, задержанныхъ покрываломъ однообразнымъ, почти изношеннымъ, которые умѣютъ тѣмъ лучше закутывать свою душу, чѣмъ они честолюбивѣе, и которые постоянно живутъ въ самомъ обманчивомъ обществѣ. Поступъ можетъ прикрыть безстыдную ложь; она можетъ замаскировать себѣ выраженіе угнетенной невинности, котораго звуки самыя справедливыя остаются иногда въ невѣстности. Слабость и неправда также довольно часто бываютъ на себя не похожи въ ихъ выраженіи. Такіе люди, добрые, благородные, кроткіе, нѣжнаго сложения, потупляютъ глаза въ землю и не смѣютъ смотрѣть въ лице не отъ притворства, но отъ застычивости и робости. Довольно не шевелить губами по навѣку къ улыбка, чтобы имѣть видъ принужденный, видѣть взглядъ заговорщика. Въ острогѣ видали головы Регула; при колесованіи, — граціозныя лица словно ангеловъ-хранителей, и физиономіи Весталокъ — въ смиренномъ домѣ. Всякая страстная душа, въ началѣ безразлично расположенная къ добру и злу, можетъ выражаться въ чертахъ преступника такъ, что онъ покажется только несчастнымъ, который случайно попался въ неволю, и который, будучи въ кругу болѣе благоприятномъ, былъ бы лучше сотни другихъ людей, слывшихъ честными. Итакъ, энергія характера можетъ имѣть и сообщать сомнительную физиономію. Что сказать о людяхъ непостоянныхъ, переменчивыхъ, съ красками, безпрестанно измѣняющимися, съ формами,

составленными из противоположностей? Особенно въ умственныхъ способностяхъ, въ приобретенныхъ дарованіяхъ, въ степени способности, въ призваніи, въ родѣ свойственныхъ всякому трудовъ, — гдѣ тутъ различить признакъ и мѣсто? сужденіе проявляетъ ли себя въ глазной кости, умъ — въ подбородкѣ, а поэтической гений — въ округлости губъ? Есть люди весьма умные, коихъ лице не выражаетъ ничего; другіе, напротивъ, весьма ограниченны, но ихъ фізіономія показываетъ много ума и огня. Известно, что фізіономія Юма была весьма обыкновенная, что докторъ Самуилъ Джонсонъ имѣлъ походку носильщика, Чурчиль — наружность свинопаса, а Гольдсмитъ — видъ простака. Есть такіе живописцы Грацій, которые могли бы занять мѣсто строгаго судьи, привыкшаго произносить смертные приговоры. Столь многія исключенія уничтожаютъ правило.

Лафатеръ отвѣчаетъ: «Надо съ точностію различать твердыя части лица, показывающія мѣру его способностей, отъ округлостей, признаковъ его дарованій, и отъ мягкихъ и подвижныхъ частей, выражающихъ то употребленіе, которое оно изъ нихъ дѣлаетъ. Форма служитъ къ показанію того, чѣмъ люди могутъ и должны быть, равно какъ взглядъ и игра чертъ означаютъ, чѣмъ они бываютъ въ самую минуту дѣйствія. Естественныя расположенія, какъ бы ни были превосходны, могутъ быть погребены въ бездѣйствіи или испортиться отъ употребленія, которое изъ нихъ дѣлали; искра гения можетъ дремать подъ пепломъ, пока животворное дуновеніе не оживитъ и воспламенитъ ее. Что значить сила, худо употребленная? Энергія, преданная сладострастію, можетъ ли еще служить къ изысканію и распространенію истины? Чего можно ожидать отъ огня безъ свѣта, отъ огня, который горитъ безъ предмета? Есть множество самыхъ отличныхъ умовъ, которыхъ силы опредѣлены еще только слабо, дѣйствуютъ недостаточно или направлены къ цѣли слишкомъ частной, и которые, по этому самому, не могутъ имѣть замѣтнаго выраженія цѣлаго. Взглядъ или игра чертъ затмѣваетъ иногда основную фізіономію, напримѣръ, сводъ и округлость лба, на которые не многіе наблюдатели обращаютъ вниманіе. Можетъ случиться, что

* Циммерманъ говоритъ, что самый умный человѣкъ, въ минуты своей горести, совершенно бываетъ похожъ на глупаго; что весьма справедливо, если будемъ разсматривать только дѣйствительное положеніе подвижныхъ частей и мускуловъ лица.

главное мѣстопробываніе характера или по-крайней-мѣрѣ одной изъ его частей, становится видимымъ только въ извѣстныхъ ошущеніяхъ лица, весьма рѣдкихъ, которыхъ исчезаютъ прежде нежели сдѣлаютъ какое-нибудь достаточное впечатлѣніе. Всякій зародышъ дарованія или добродѣтели не менѣе того имѣетъ свое выраженіе, свою характеристическую черту, напримѣръ: блистаніе взора, которое стоитъ лишь сыскать и уловить въ-пору. Лучшій изъ людей, по случайному стеченію обстоятельствъ, поступающій предосудительно, и злодѣй, дѣлающій доброе дѣло, или поддѣлывающійся подъ него, совсѣмъ не могутъ быть приняты одинъ за другаго. Бездарный, желающій принять на себя видъ даровитаго, никогда не сравнится съ мудрымъ и великимъ человѣкомъ, равно какъ и истинный гений совершенно не потеряетъ или не скроетъ неизгладимыхъ признаковъ своей божественной проницательности; тѣмъ менѣе глупецъ можетъ прикрыть примѣты своей глупости, потому-что тогда онъ не былъ бы уже глупцомъ.

Нельзя лучше обдумать, нельзя утонченнѣе наблюдать то, что Лафатеръ говоритъ о фізіономіи женщинъ, дѣтей и стариковъ. Въ спокойномъ состояніи души фізіономія женщинъ, живописующая лишь думы или страсти менѣе сильныя и болѣе однообразныя, не можетъ представить этихъ положительныхъ признаковъ, этихъ рѣзкихъ примѣтъ, этихъ морщины, этихъ складокъ, этихъ линій, которыхъ направленіе и сочетаніе столь характерны у большей части людей. Равнымъ образомъ, въ случаѣ чувствованій столь же глубокихъ и столь же продолжительныхъ, выраженіе не такъ четко вырѣзывается на чертахъ лица, котораго дородность, нѣжность, мускулы болѣе слабыя, кожа болѣе нѣжная, изглаживаютъ эти фізіономическія, сильно очерченныя буквы. Впрочемъ, когда, съ преклонностію лѣтъ, исчезаютъ, съ ихъ престѣями, нѣкоторые характеры этого пола, женская фізіономія развивается, утраченная красота опять появляется въ выраженіи постоянномъ и болѣе замѣтномъ, — зрѣлый возрастъ и старость приобретаютъ родъ фізіономической прелести, независимо отъ свѣжести и силы организаціи.

Если фізіономія старости обнаруживаетъ бывшее, то фізіономія молодости показываетъ будущее; но гораздо легче заключать о прошедшемъ, чѣмъ о будущемъ. Система костей, какъ главный проводникъ фізіономиста, и кости, не довольно еще окрѣпшія въ молодости,

сти, съ трудомъ могутъ быть разбираемы, и еще труднѣе прежде времени судить о характерѣ человѣка по чертамъ юности, какъ о женщинѣ — по чертамъ дѣвнцы. Лафатеръ, въ простой и откровенной фізіономіи дитяти остроумно открываетъ слѣды еще тайныхъ страстей, различаетъ эти сгибы, которые, сперва слегка будучи набросаны на лицѣ юности, глубже потомъ врѣзываются въ возрастъ зрѣломъ, и наконецъ, въ старости, произведутъ полное ослабленіе мускуловъ. За всѣмъ тѣмъ человѣкъ возмужалый то же, что молодой человѣкъ, разсматриваемый въ микроскопъ, и потому на лицѣ возмужалаго гораздо яснѣе должно читать, чѣмъ на лицѣ молодаго человѣка. Развитіе способностей и страстей къ первому очерку фізіономіи прибавляетъ болѣе смѣлую рисовку, болѣе густыя тѣни и болѣе грубый, жесткій колоритъ, которые никогда не бываютъ прежде возмужалости.

Фізіономика старается не только уловить нравственное и умственное чувство подъ оболочкой разныхъ возрастовъ и разныхъ половъ, но и простирается на все, что касается до тѣла человѣческаго, какъ въ здоровомъ, такъ и въ больномъ его состояніи. Во многихъ отдѣлахъ Лафатеръ описываетъ главныя различія физическаго сложенія человѣка, наружныя свойства и измѣненія четырехъ темпераментовъ: сангвиническаго, флегматическаго, холерическаго и меланхолическаго. Въ другомъ мѣстѣ, опираясь на изысканія Кампера и Blumenбаха, онъ излагаетъ характеры различій между націями, видовыя различія по колѣнній, не столько рѣзкія по нравственному характеру, какъ по фізіономіи. Пусть поставятъ въ параллель Негра и Англичанина, Лапландца и Италіянца, Француза и Тунгуза, или пусть только сравнятъ между собою разные европейскіе народы, — тогда будутъ поражены дивными различіями, примѣтными даже внѣ массы народа, и которыхъ малое число отдѣльныхъ лицъ достаточно можетъ объяснить.

Лафатеръ едва ли занимался *уродами*, то есть, органическими и живыми существами, одаренными тѣлосложеніемъ, противнымъ порядку природы. Что касается до фізіономіи органической или врачебной, имѣющей предметомъ прежде времени показывать расположеніе къ болѣзнямъ и самыя болѣзни, къ которымъ тѣло отъ природы бываетъ склонно, это — родъ *семіотики*, смѣжной съ областію фізіологій и меди-

цины и, кажется, нѣсколько выходящей изъ круга чистой фізіономики.

Многія степени отдѣляютъ родъ человѣческой отъ рода животныхъ и показываютъ переходъ самаго крайняго безобразія къ красотѣ самой идеальной, переходъ фанатической злобы къ самой божественной благодости. Есть цѣлый міръ между животностію лягушки и первыми оттѣнками ума человѣческаго въ Самоѣдѣ, какъ и между этими слабыми мерцаніями и выпренимимъ гениемъ Канта и Ньютона. Съ другой стороны, есть много сходствъ болѣе или менѣе видимыхъ и поразительныхъ между извѣстными и относительными типами одного и другаго рода. Въ послѣднемъ своемъ отрывкѣ Лафатеръ вкратцѣ занимается линіями животностей, родовыхъ различій и отношеній между фізіономіей человѣка и фізіономіей животныхъ. Вотъ поле, котораго онъ едва-едва коснулся въ нѣкоторыхъ отдѣлахъ, и которое до него лучше и долѣе изслѣдывали разные писатели, между прочими Карлъ Лебрионъ и Неаполитанецъ Жанъ-Батистъ Порта, котораго удачныя сближенія, поддерживаемыя любопытными гравюрами, составляютъ необходимое дополненіе къ тексту Лафатера.*

Одно изъ мечтаній Лафатера, самыхъ уважительныхъ, скажу даже, самыхъ трогательныхъ, состоитъ въ томъ, что онъ приписывалъ наукѣ силы по-крайности весьма условныя. Добрый пасторъ, котораго душа была проникнута ревностію совершенно апостольскою, постоянно находилъ удовольствіе въ томъ, чтобы удалять отъ своего предмета грустныя идеи и печальныя истины. Его чувствительность оставалась живою, глубокою, непорочною и даже, можно сказать, дѣвственною среди изысканій и трудовъ, которые всего легче могли бы помрачить ее.* Опъ, при помощи всѣхъ опы-

* Порта, который былъ одаренъ великою проницательностію, чудесно выказалъ въ родахъ карикатуръ сходство нѣкоторыхъ человѣческихъ головъ съ головами собаки, лошади, овцы, свиньи, быка, и проч. Онъ думалъ объяснить замѣчательную аналогію между фізіономіей Платона и фізіономіей гончей собаки.

* Не безъ причины за удовольствіе поставились находить то нравственное, то физическое соотношеніе между пасторомъ цюрихскимъ и архіепископомъ камбрейскимъ. Г-жа Сталь, однажды прогуливаясь съ авторомъ *фізіономики* и знаменитою нѣмецкою дамою, вдругъ остановилась и, съ изумленіемъ, полнымъ энтузіазма, воскликнула: «Какъ нашъ любезный Лафатеръ похожъ на Фенелона! это его черты, его лице, его фізіономія, это истинно — Фенелонъ; но, прибавила она, Фенелонъ нѣсколько Швейцарецъ.»

товъ, какіе можетъ собрать, усиливается доказать, что изученіе физиономики не только совмѣстно съ любовію къ ближнему, но и бываетъ источникомъ удивленія, благорасположенія, словомъ, чувствованій нѣжныхъ, достойныхъ и великодушныхъ. Онъ дѣлаетъ изъ нея верховную примирительницу душъ, твердое основаніе уваженія и дружбы. Не скорѣ ли будетъ совсѣмъ противное? Какъ бы ни думали о природномъ поврежденіи человѣка, нельзя отрицать, что ученіе Лафатера, и особливо его физиономическое ученіе внушаетъ къ нему больше презрѣнія и жалости, нежели удивленія, обнаруживая пустые пузыри, тысячи его слабостей, заставляя испытывать бездны мрака подъ видомъ лазури. Оно возлагаетъ на насъ обязанность, — жестокую обязанность, — разгонять лживыя оболоченія, разоблачать втрюломныя ласкательства, срывать личину съ притворныхъ добродѣтелей. Многие люди могутъ злоупотреблять физиономику ко вреду подобнымъ себѣ; невѣжды или злые могутъ дѣлать о лучшихъ, чѣмъ они, людяхъ, несправедливыя сужденія; клевета, въ случаѣ недостатка фактовъ, можетъ брать верхъ надъ физиономіей, чтобы намѣренія сдѣлать подозрительными. Чего не злоупотребляютъ? За всѣмъ тѣмъ, нѣтъ нужды, что занятіе науки бываетъ неприятно, даже не всегда полезно, — за то истинно.

Съ 1769 г. Лафатеръ издалъ въ свѣтъ множество сочиненій, и, между ними богословско-полюемическія, аскетическія и нравственныя, не считая рѣчей, поученій къ народу, сочиненныхъ по требованію обстоятельствъ; многіе сборники наблюденій надъ нимъ самимъ, надъ его добрыми и худыми качествами, недостатками, движеніями его души, поступками и ихъ побужденіями, суть родъ матеріаловъ для записокъ, въ тонѣ записокъ Ж. Ж. Руссо и Мармонтеля, заключающія въ себѣ развитіе его частныхъ мнѣній относительно богословія и нравственности. Между стихотвореніями его замѣчательны: «Новая Мессіяда» въ родѣ исторической и дидактической эпопеи; «Иосифъ Аримаійскій» сочиненіе въ томъ же родѣ; «Человѣческое сердце» въ шести пѣсняхъ, и многія религиозныя драмы. Его «Разсужденія о состояніи будущей жизни», представляютъ планъ и, такъ сказать, толкованіе на поэму, которую онъ думалъ написать объ этомъ предметѣ. Не любя много говорить о томъ, чего не читали, мы не остановимся на этихъ сочиненіяхъ, впрочемъ неважныхъ и двусмысленнаго

достоинства, если исключить «Швейцарскія пѣсни», которыя всѣ біографы единогласно весьма хвалятъ. «Онъ», говоритъ г. Мейстеръ, самый снисходительный изъ панегиристовъ, кажется, имѣютъ уже въ его отечествѣ авторитетъ древнихъ и народныхъ пѣсень. Преданіе сохранить ихъ, и въ самую отдаленную эпоху онъ будутъ повторяться пастухами на горахъ и въ долинахъ Швейцаріи, какъ теперь пѣсни Оссіана повторяются на вершинахъ Морвена и въ долинахъ Каледоніи.»

Кажется, Лафатеру суждено было бороться съ судьбой до послѣдняго дня. Когда Французы вошли въ Цюрихъ, безпокойная пылкость заставила его выйти изъ своего дома на улицу. Онъ получилъ въ животъ пулю, по словамъ однихъ, отъ руки французскаго солдата, а по другимъ, рука этого солдата была направлена частнымъ мщеніемъ и духомъ партіи. Послѣ 15 мѣсяцевъ самыхъ жестокихъ страданій, перенесенныхъ съ терпѣніемъ и яснымъ лицомъ Юва, ни сколько не ослабляя своей обикновенной дѣятельности, онъ скончался 2 января 1800 года, 59 лѣтъ.

Что заключить объ этомъ человѣкѣ и его системѣ? Жадный къ ученію, страстный къ фактамъ, великій искатель новостей, искренній испытатель таинствъ природы, одаренный здравымъ чувствомъ и добрымъ сердцемъ, Лафатеръ почти совсѣмъ не достигъ предположенной себѣ цѣли. Необузданное воображеніе, чувствительность болѣе живая чѣмъ просвѣщенная, восторженность идей, несовмѣстная съ тишиною, необходимою для свѣтлыхъ созерцаній ума, бросили какъ бы нѣкоторую недовѣрчивость на его жизнь и его творенія.

Совсѣмъ незнакомый съ анатоміей, физиологіей, даже съ самыми простыми началами физики, Лафатеръ на многихъ точкахъ впадалъ въ странныя ошибки, въ важныя заблужденія, или по-крайней-мѣрѣ вдался въ мнѣнія самыя отважныя. Не имѣя достаточныхъ понятій о медицинѣ и естественной исторіи, онъ упускалъ изъ виду многія существенныя части своего предмета, или разсуждалъ объ нихъ поверхностно. Напитанный восторженностію своихъ идей, чисто-метафизикъ и декламаторъ, и какъ бы стоя на пророчественномъ треножникѣ, онъ, кромѣ того, не имѣлъ этой методы, этой связи, этого единства, безъ которыхъ различныя вѣтви системы не могутъ составить цѣлаго. Впрочемъ, никто не судилъ себя съ такою строгостію, какъ самъ

цюрихскій пасторъ, и никто лучше его не чувствовалъ своихъ недостатковъ. Единственное его честолюбіе (конечно, слишкомъ смиренное) было — приготовить матеріалы для зданія, окончаніе котораго онъ представлялъ другимъ. Его твореніе, какъ оно есть, при всѣхъ своихъ недостаткахъ и пробѣлахъ, сохранило неоспоримое достоинство. Его разсужденія о страстяхъ, его общественныя и филантропическія ученія, множество любопытныхъ взглядовъ, новыхъ и поразительныхъ наблюденій, хотя они собственно и не увеличили круга человѣческихъ познаній, — всегда будутъ имѣть право на глубокое вниманіе. Много прозябло заблужденій на его полѣ, но среди самыхъ плевелъ онъ умѣлъ пожать нѣкоторыя спасительныя истины: этого достаточно для его славы.

С м ѣ т ы .

КОЛОНИЯ УЧЕНЫХЪ И ЛИТЕРАТОРОВЪ ВЪ АМЕРИКѢ. Въ Сѣверной-Америкѣ, въ области Иллинойсѣ, находится одно поселеніе, извѣстное подъ именемъ Латинской колоніи. Въ этой колоніи живутъ, болѣею частью, нѣмецкіе ученые, которые нѣкогда, на берегахъ благословеннаго Рейна, умѣли лишь владѣть перомъ, а теперь искусно владѣютъ топоромъ, косою и плугомъ и развѣщаютъ на телегахъ, запряженныхъ шестью волами, по обширнымъ своимъ пашнямъ. Одинъ нѣмецкій путешественникъ недавно посѣтилъ эту литературную колонію и видѣлся со многими своими знакомцами, которые были прежде юристами, медиками и богословами, а теперь наслаждаются патриархальною жизнію американскихъ фермеровъ.

ЛЕДЯНАЯ ПЕЩЕРА ВЪ КАРПАТСКИХЪ ГОРАХЪ. Эта пещера находится въ графствѣ или провинціи Торнъ, въ одномъ изъ холмовъ, принадлежащихъ къ цѣпи Карпатскихъ горъ. Внутри ея постоянно дуетъ сильный холодный вѣтеръ, который имѣетъ направленіе съ сѣвера къ югу. Въ продолженіе большихъ лѣтнихъ жаровъ, холодъ въ пещерѣ усиливается до того, что просящаяся вода замерзаетъ въ одно мгновеніе и весь гротъ покрывается блестящими ледяными сталактитами. Но съ наступленіемъ зимы этотъ ледъ начинаетъ таять: и по мѣрѣ того, какъ подъ открытымъ небомъ усиливается

холодъ, въ пещерѣ становится гораздо теплѣе, и таяніе продолжается до тѣхъ-поръ, откуда сводъ и стѣны сдѣлаются совершенно сухими и даже теплыми.

НОВООТКРЫТАЯ ПОРОДА ЧЕТВЕРОНОГИХЪ. Знаменитый натуралистъ, господиновъ Одиобонъ, нашелъ въ Сѣверной-Америкѣ породу четвероногихъ животныхъ, которыя походятъ на канигуру и называются, на языкѣ Индѣйцевъ, *кекокаки*, то есть, прыгуны. Кекокаки имѣетъ девять футовъ, четыре дюйма въ длину и вѣситъ шестьсотъ фунтовъ. Переднія лапы его вооружены острыми когтями, голова украшена двумя рогами; по серединѣ тѣла находится нѣкотораго рода мѣшокъ, заключающій въ себѣ масло. Это животное скоро привыкаетъ къ человѣку. Индѣйцы употребляютъ его въ пищу; его мясо, по словамъ Одиобона, очень вкусно и пріятно.

УСПѢХИ ОБЩЕСТВА ТРЕЗВОСТИ ВЪ ИРЛАНДІИ. Въ прежніе годы Ирландія отличалась необыкновеннымъ потребленіемъ водки. Довольно сказать, что въ одной улицѣ, въ Дублинѣ, въ которой считается сто-шестьдесятъ-семь домовъ, было, въ 1840 году, шестьдесятъ-два питейныхъ дома! Но теперь, благодаря вліянію отца Матью, Ирландцы могутъ похвастаться своею трезвостью. Послѣ его посѣщенія, въ Дублинѣ оказались несостоятельными три четверти питейныхъ домовъ.

РАСПРОСТРАНЕНІЕ КОДЕКСА ФРАНЦУЗСКИХЪ ЗАКОНОВЪ. Отъ начала революціи, съ 1789 года, до 23 октября 1843 года, во Франціи было издано 81,369 законовъ. Въ этомъ числѣ 3402 закона принадлежатъ конституціонному собранію, 2078 законодательному собранію, 14,034 національному конвенту, 2049 директоріи, 3846 временамъ консульства, 10,254 эпохѣ царствованія Наполеона, 814 Лудовику XVIII до періода ста-дней, и 17,812 послѣ того періода, въ продолженіе котораго временное правительство издало 348 законовъ, наконецъ 15,801 Карлу X и 10,931 Лудовику-Филиппу.

ГИДРАВЛИЧЕСКАЯ ЖЕЛѢЗНАЯ ДОРОГА. Тогда-какъ воздушная желѣзная дорога пріобрѣтаетъ болѣе и болѣе успѣха, англійскій инженеръ Шуттльвортъ предлагаетъ уже новую систему желѣзной дороги, подъ именемъ гидравлической. По этой системѣ, движущая сила зависитъ отъ гидравлическаго давленія. Для этого сдѣлать устройство, вдоль рельсовъ, большіе резервуары съ водою, на шестьдесятъ метровъ выше уровня желѣзной дороги. Эти резервуары будутъ двухъ родовъ: главные и промежуточные; первые будутъ устроены на каждой станціи и, посредствомъ горизонтальныхъ трубокъ, будутъ снабжать водою резервуары второстепенные, расположенные между станціями. Кривыя трубы будутъ проводить воду изъ резервуаровъ въ цилиндры, которые должны сообщать движеніе вагонамъ. Очевидно, что эта система имѣетъ одинакое основаніе съ системою

воздушной дороги. Разница въ томъ, что мѣсто воздуха занимаетъ здѣсь вода. По соображеніямъ господина Шуттльворта, давленіе воды, текущей съ высоты шестидесяти метровъ, по вертикальнымъ трубкамъ, будетъ равняться давленію пяти или шести атмосферъ, такъ-что можно получить скорость, равную сорока-четыремъ километрамъ т. е., около сорока-двухъ верстъ въ часъ. Кроме того, авторъ проекта увѣряетъ, что, съ его системою, даже при перепадѣ черезъ горы, не будетъ значительной разницы въ скорости. Если господинъ Шуттльвортъ, въ самомъ дѣлѣ, достигнетъ этого результата, то надо признаться, что, въ этомъ отношеніи, его система заслуживаетъ преимущество передъ всеми другими. Что касается до издержекъ, то гидравлическая дорога представляетъ почти тѣ же экономическія выгоды, какъ и дорога воздушная. Впрочемъ, эта система еще остается въ теоріи и не можетъ быть оцѣнена, покуда не осуществится на практикѣ.

СТАТИСТИКА ВѢДНЫХЪ ВО ФРАНЦІИ. Въ одномъ изъ французскихъ журналовъ перепечатана статистика, гдѣ бѣдныя жители Франціи подведены подъ различные классы, по существеннымъ признакамъ, въ какихъ обнаруживается ихъ бѣдность. Изъ 35 милліоновъ подданныхъ французскаго королевства, 27 милліоновъ Французовъ не пьютъ вина; 31 милліонъ не знаютъ употребленія сахара; 20 милліоновъ не носятъ башмаковъ; 31 милліонъ не ѣстъ говядины; 18 милліоновъ не ѣдятъ пшеничнаго хлѣба; наконецъ, 4 милліона щеголяютъ въ лохмотьяхъ. «Какое обширное поле для усовершенствованія!» восклицаетъ французскій журналистъ.

ГИГАНТСКІЙ ТЕЛЕСКОПЪ. Лордъ Россъ недавно устроилъ самый замѣчательный телескопъ, который превосходить всѣ извѣстные инструменты этого рода, не исключая и знаменитаго телескопа Гершеля. Увеличительное стекло или рефлекторъ этого новаго телескопа имѣетъ семьдесятъ-два дюйма въ діаметрѣ, а длина его трубы равняется пятидесяти-двумъ футамъ. Благодаря гениальному изобрѣтенію лорда Росса, теперь можно ожидать очень важныхъ открытій въ области астрономіи. Геологи, съ своей стороны, вѣроятно, постараются поближе познакомиться съ мирнымъ спутникомъ земной планеты. Телескопъ лорда Росса увеличиваетъ

предметы въ четыре-тысячи восемь-сотъ разъ; думаютъ, что съ такимъ инструментомъ можно рассмотреть частицы луны величиною съ домъ. — Не смотря на громадность и тяжесть этого телескопа, одинъ человекъ легко можетъ приводить его въ движеніе и устанавливать какъ угодно.

МЕТЕОРОЛОГИЧЕСКАЯ ОБСЕРВАТОРІЯ НА ВЕЗУВІИЪ. По послѣднимъ извѣстіямъ изъ Неаполя, на Везувіи скоро будетъ окончена постройка метеорологической обсерваторіи. Это зданіе имѣетъ форму башни, во вкусѣ возрожденія; оно построено на высотѣ тысячи девяти-сотъ-пятидесяти четырехъ футовъ надъ уровнемъ моря. Въ верхнемъ этажѣ обсерваторіи находится небольшая, великолѣпно меблированная комната, которая назначена для посѣщеній членовъ королевской фамиліи.

НОВАЯ ПЕРІОДИЧЕСКАЯ КОМЕТА. Господинъ Араго сообщилъ парижской академіи наукъ, что комета, которую открылъ господинъ Фэй (Faye) десятаго ноября (22 по новому стилю) 1843 года, принадлежитъ къ числу кометъ періодическихъ, какъ доказалъ это астрономъ геттингенской обсерваторіи Гольдсмитъ. Такимъ образомъ, въ настоящее время, считается четыре періодическихъ кометы: комета Галлея, періодъ которой 76 лѣтъ; комета Бальдъ, которая появляется черезъ каждыя шесть лѣтъ и девять мѣсяцевъ; комета Энке, возвращающаяся черезъ каждыя 1207 дней, и наконецъ, послѣдняя комета 1843 года, періодъ которой 6 лѣтъ и 200 дней.

ЗЕМЛЕТРЯСЕНІЕ НА ФАНЪ-ДИМЕНОВОЙ ЗЕМЛѢ. Это землетрясеніе замѣчательно по одному странному, сопровождавшему его, обстоятельству. Въ самую полночь, жители острова были пробуждены какимъ-то сильнымъ взрывомъ, послѣ котораго настала прежняя тишина, такъ-что никто не могъ объяснить причины этого необыкновеннаго явленія до самаго разсвѣта. Но на другой день, открыты свѣжіе слѣды землетрясенія. Кроме того, что воздухъ былъ напоитанъ сѣрными испареніями, на мѣстѣ вулканическаго изверженія были раскиданы на далекое пространство и во всѣхъ направленіяхъ обломки скалъ и груды земли и минераловъ, выброшенныхъ изъ глубины. Изъ всего этого видно, что вулканическое дѣйствіе обнаружилось нечаяннымъ, страшнымъ взрывомъ.

Опечатки. Во второмъ номерѣ, на страницѣ 60, во второмъ столбцѣ, въ десятой строкѣ снизу, вместо *Вальмики*, должно читать *Вальмики*. — На страницѣ 66, во второмъ столбцѣ, въ 3 строкѣ сверху вместо *анонбракій* должно читать *антибакіи*.

Печатать позволено. Санктпетербургъ. 1 апрѣля 1844 г. Ценсера *А. Крыловъ* и *А. Очкинъ*. — Въ типографіи В. Соломона.

РЕД. К. МАСАЛЬСКІЙ.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКІЯ ИЗВѢСТІЯ.

Въ книжномъ магазинѣ К. А. Полеваго, на Невскомъ проспектѣ, противъ Городской думы, въ домѣ Рогова, продуются слѣдующія книги:

ВЕЛИКОЛѢПНАЯ РУССКАЯ АЗБУКА, подарокъ для добрыхъ дѣтей, съ поли-типажамъ. С. П. Б. 1844 г. 50 к. сер.; въсов. за 1 фун.

СТО-СЕМИЛѢТНІЙ СТАРЕЦЪ въ С. ПЕТЕРБУРГѢ. Записки о жизни В. Р. Щегловскаго. С. П. Б. 1844 г.; 50 к. сер., въсов. за 1 фун.

КОММЕРАЖИ. Посвящено а ces dames. Рисунки гравированы на деревѣ барономъ Клотомъ и Е. Бернадскимъ. С. П. Б. 1844 г. 75 к. сер., въсов. за 1 фун.

ПОѢЗДКА въ ЯКУТСКЪ Н. Шукина, изд. 2-е, съ рисунками. С. П. Б. 1844 г. 1 р. 50 к. сер. въсов. за 1 фун.

КНИГА ОБЪ ИСЧИСЛЕНІИ ПРОЦЕНТОВЪ по билетамъ банковъ и сохранной казны, состав. Поднебесный. С. П. Б. 1844 г. 1 р. 50 к. сер. въсов. за 1 фун.

ДАМСКІЙ АЛЬБОМЪ, составленный изъ отборныхъ страницъ Русской поэзіи: съ портретомъ Лермонтова и 18-ю оригинальными рисунками. Ковригина С. П. Б. 1844 г. 1 р. 25 к. сер., въсов. за 1 фун.

ОЧЕРКИ СВѢТА И ЖИЗНИ. Повѣсти В. Войта. С. П. Б. 1844 г. 1 р. 75 к. сер., въсов. за 1 фун.

ПУТЕВЫЯ ЗАПИСКИ ЗАЙЦА. Соч. Гребенки, съ картинками. С. П. Б. 1844 г. 75 к. сер. въсов. за 1 фун.

ДѢТСКІЯ ПОВѢСТИ. Подарокъ умньшимъ дѣтямъ, на свѣтлый день праздника. Бланшарда; съ 11-ю картинками. С. П. Б. 1844 г. Цѣна съ раскраш. карт. 1 р. 50 к. сер. въсов. за 1 фун.

НѢМЕЦКО-РУССКІЙ СЛОВАРЬ, издан. Е. Ольдекопомъ, 2 ч. С. П. Б. 1843 г. 1 р. 75 к. сер. въсов. за 2 фун.

ВЪ САНКТ-ПЕТЕРБУРГѢ
ВЪ ПЕТЕРБУРГѢ
ВЪ САНКТ-ПЕТЕРБУРГѢ

Этотъ журналъ выходитъ четыре раза въ мѣсяцъ. Подписная цѣна, серебромъ, за годъ 14 руб. 30 коп., за полгода — 8 руб. На почтовую пересылку за годъ 1 рубль 30 копѣекъ, за полгода 75 копѣекъ. За доставку въ С. Петербургъ на домъ, въ теченіе года или полу-года, 70 копѣекъ.

Подписка принимается въ книжныхъ магазинахъ К. А. Полеваго: 1) въ С. Петербургѣ, на Невскомъ-Проспектѣ, въ домѣ Рогова, противъ Думы; 2) въ Москвѣ, на Тверской, въ домѣ Мятлевой. Иногородные адресуются въ Газетную Экспедицію Санктпетербургскаго Почтамта.

ВЪ САНКТ-ПЕТЕРБУРГѢ
ВЪ ПЕТЕРБУРГѢ
ВЪ САНКТ-ПЕТЕРБУРГѢ

~~194~~
~~198~~

~~633~~
~~64~~

510

№ 6. АПРѢЛЬ 1844.

A. 139
36

~~438~~

СЫНЪ

ОТЕЧЕСТВА

СОДЕРЖАНІЕ.

Современная Исторія и Политика. Внутреннія и Заграничныя вѣстия. — Иностранная Словесность. Альбина, повѣсть Александра Дюма. (продолженіе.) — Науки и Художества. Ватиканскій Соборъ. Барона Розена. — Смѣсь. Ламартинъ. — Новый экземпляръ іероглифической надписи розеттскаго камня. — Сто-осьмилѣтняя карлица. — Карликъ-Наполеонъ, на рукахъ у герцога Веллингтона. — Два англійскіе корабли проломленные пилою-рыбою. При этомъ номерѣ приложенъ портретъ Ламартина.

ГОДЪ ТРИДЦАТЬ-ВТОРОЙ.